

Версальская история

Автор:

[Даниэла Стил](#)

Версальская история

Даниэла Стил

Великолепная Даниэла Стил

Да, все действительно случилось в «Версале» – так называется роскошный особняк нестареющего и неотразимого Купера Уинслоу – голливудской звезды первой величины. В его карьере наступили не лучшие времена, давно нет интересных ролей, а следовательно, и гонораров... Но Купер не может и помыслить о том, чтобы расстаться с расточительным образом жизни. Он привык обольщать, быть в центре событий. И события не заставляют себя ждать, причем самые невероятные...

Даниэла Стил

Версальская история

Глава 1

Когда Эйб Бронстайн преодолел последний поворот казавшейся бесконечной подъездной аллеи, его на мгновение ослепил яркий свет солнца, отразившийся от мансардной крыши особняка. Одного взгляда на это величественное здание во французском стиле хватило бы, чтобы у неподготовленного человека захватило дух, но Эйб никогда не отличался впечатлительностью, к тому же он бывал здесь уже десятки раз. Для него особняк был в первую очередь весьма

дорогим предметом недвижимости, и тот факт, что великолепное здание в продолжение нескольких десятилетий оставалось одной из легенд Голливуда, во много раз умножало его реальную стоимость. Внешне оно напоминало те дворцы, которые строили для себя в Ньюпорте легендарные Асторы и Вандербильды, и было выдержано в стиле французского шато восемнадцатого века. Каждая его архитектурная деталь отличалась изысканностью и изяществом и буквально дышала роскошью. Особняк возвели в 1918 году для звезды немого кино Веры Харпер, которая в годы Великой депрессии сумела не только сохранить свое состояние, но и приумножить его, несколько раз удачно побывав замужем. В этом особняке она прожила больше сорока лет, в нем и скончалась в 1959 году в весьма преклонном возрасте. Купер Уинслоу купил его год спустя через агентство по продаже недвижимости. У Веры Харпер не было ни детей, ни наследников, поэтому все имущество, включая особняк, она завещала католической церкви. Купер Уинслоу, чья карьера в те годы достигла своего пика, выложил за него астрономическую сумму, произведя настоящую сенсацию. Действительно, для двадцативосьмилетнего молодого человека, пусть и признанного одной из самых ярких звезд на голливудском небосклоне, подобный поступок был событием из ряда вон выходящим. Сам Куп, однако, считал иначе и был рад тому, что может поселиться в доме, полностью соответствующем его склонностям и вкусу.

Особняк, больше напоминавший дворец, стоял в самом сердце Бель-Эйр на участке площадью четырнадцать акров и был окружен парком и ухоженными садами. На участке были также теннисный корт и внушительных размеров плавательный бассейн, выложенный голубой и золотой плиткой. Сады и парк с несколькими фонтанами были разбиты по французскому образцу, и поэтому особняк вскоре прозвали «Голливудским Версалем» или просто «Версалем». И он вполне заслуживал такого названия. Дом был и внутри так же великолепен, как снаружи. Высокие сводчатые потолки комнат и залов были расписаны итальянскими и французскими мастерами; столовая и библиотека отделаны редкими породами дерева; что же касалось стеновых панелей и паркета в гостиной, то они были вывезены из настоящего французского замка восемнадцатого столетия. И Купер Уинслоу стал достойным хозяином всей этой роскоши, ибо «Версаль» не только соответствовал его статусу суперзвезды, но и всем его привычкам и стилю жизни. Теперь Эйб Бронштейн был только рад, что Куп сумел приобрести особняк не в рассрочку, а выложил всю сумму сразу, и хотя с 1960 года он дважды брал под него крупные кредиты, залладные почти не уменьшили его стоимости. До сих пор «Версаль» оставался самым дорогим частным особняком во всем Бель-Эйр, хотя оценить его было довольно сложно по той простой причине, что подобного дома не было, наверное, во всей стране,

исключая разве что ньюпортские особняки, да и те, скорее всего, стоили дешевле, так как на рынке недвижимости дома в Бель-Эйр всегда были на порядок дороже, чем в любом другом месте. Не имело практически никакого значения даже то обстоятельство, что «Версаль» Купера Уинслоу в последнее время несколько обветшал. Все равно это был очень дорогой дом, который стоял на самой дорогой в стране земле.

Выйдя из машины, Эйб увидел четырех садовников, двое из которых выпалывали траву возле большого фонтана, а двое работали на цветочной клумбе неподалеку. Эйб сразу же мысленно сделал заметку на память: сократить штат садовников вдвое. Куда бы ни падал его взгляд, всюду он видел цифры, долларовые купюры, счета, квитанции и с точностью до нескольких центов знал, во что обходится Купу содержание «Версаля». По любым стандартам сумма была непомерно высокой, что же касалось самого Эйба, то он считал ее просто безобразной. Оказывая бухгалтерские услуги нескольким голливудским знаменитостям, Эйб привык не ахать, не ужасаться и не падать в обморок, когда ему становилось известно, сколько та или иная звезда потратила на свой дом, на новый автомобиль, на меха и бриллиантовые ожерелья для очередной любовницы, однако Купер Уинслоу превзошел их всех, вместе взятых. В глубине души Эйб был уверен, что Куп тратит больше, чем принц Фарук. Вот уже без малого пятьдесят лет он швырял деньги направо и налево, хотя за последние два десятилетия не сыграл в кино ни одной сколько-нибудь значительной роли. В последние десять лет Куп и вовсе был вынужден исполнять лишь эпизодические роли с минимумом слов, за которые ему платили сравнительно мало, хотя и больше, чем любому другому не столь знаменитому актеру.

В свое время Куп сделал карьеру, играя ослепительных героев-любовников, он и с возрастом не изменил своему амплуа, продолжая воплощать на экране неотразимых, хотя и стареющих плейбоев и повес. Несомненно, ему удалось сохранить и прежний блеск, и шарм, но ролей для него становилось все меньше и меньше. И, поднимаясь на крыльцо и нажимая кнопку звонка, Эйб снова подумал о том, что у Купа вот уже два года не было ни одной приличной роли в кино. Правда, Куп утверждал, будто ежедневно встречается с директорами и продюсерами и обсуждает с ними различные предложения, однако никакого видимого результата это не приносило, и Эйб был намерен поговорить с Купом серьезно. Купу необходимо было самым решительным образом сократить свои расходы, так как на протяжении последних пяти лет он жил фактически в долг. Куперу нужно было вернуться к работе, и притом срочно. Что это будет за работа, Эйбу было все равно. Пусть снимается в рекламе ближайшей мясной лавки, мрачно рассуждал он, лишь бы зарабатывал хоть какие-то деньги.

Впрочем, даже это не решало всех проблем. В первую голову Куперу Уинслоу предстояло существенно сократить свои траты, рассчитать домашнюю прислугу и садовников, продать некоторые из своих автомобилей, перестать покупать эксклюзивную одежду и останавливаться в самых дорогих европейских отелях. В противном случае ему придется продать «Версаль», и, по совести говоря, Эйб предпочитал этот вариант любому другому, так как он позволял Куперу Уинслоу не только сразу решить все финансовые проблемы, но и сохранить значительные средства, чтобы не бедствовать до конца дней.

Наконец дверь отворилась, и на пороге показался дворецкий в светлой утренней ливрее. Увидев Эйба, он величественно кивнул в знак приветствия. Ливермор давно усвоил, что любой визит Бронстайна приводит хозяина в прескверное расположение духа. Чтобы справиться с хандрой, Куперу требовалась целая бутылка шампанского «Кристалль» и – иногда – баночка икры. И то и другое Ливермор предусмотрительно положил на лед в тот самый момент, когда секретарша Купера Лиз Салливан предупредила дворецкого, что Эйб Бронстайн приедет в двенадцать.

Лиз дожидалась Эйба в облицованной розовым деревом библиотеке и, едва заслышав звонок, вышла в центральный холл, чтобы встретить его. В библиотеке Лиз сидела с десяти утра, готовя для Эйба необходимые документы, и на душе у нее было беспокойно. Еще вчера вечером она пыталась предупредить Купа, о чем, по ее мнению, пойдет разговор, но тот был слишком занят, чтобы внимательно ее выслушать и что-то запомнить. Купер Уинслоу готовился к важному приему на самом высоком уровне, и ему необходимо было привести в порядок прическу, сделать массаж и немного вздремнуть, чтобы не зевать потом весь вечер. А утром Лиз его уже не застала. Куп встал необычно рано и сразу же уехал в «Бeverли-Хиллз-отель», чтобы позавтракать с продюсером, предложившим обсудить его возможное участие в своем фильме. Впрочем, в том, что у Купа нашлось неотложное дело, Лиз ничего странного не видела; его всегда было очень трудно найти, когда в воздухе пахло неприятностями. Казалось, Куп наделен сверхъестественной способностью заранее чувствовать вещи, о которых предпочитал не слышать и не знать, и уклонялся от них с изяществом и ловкостью, которыми можно было восхищаться. Но на этот раз ему было не отвертеться, хотя Куп, возможно, об этом еще не догадывался. На этот раз он непременно должен был выслушать своего бухгалтера. В конце концов Лиз все-таки дозвонилась до него, Куп скрепя сердце пообещал вернуться домой к двенадцати. В данном случае это означало, что Куп появится не раньше двух или, в лучшем случае, половины второго.

– Добрый день, Эйб, рада вас видеть, – приветливо поздоровалась Лиз. Она была одета в белый джемпер и слаксы темно-оливкового цвета, которые не особенно ей шли, подчеркивая бедра, изрядно раздавшиеся за двадцать два года работы у Купа. Впрочем, ее лицо, обрамленное пушистыми белокурыми волосами, оставалось по-прежнему миловидным, а когда Куп нанимал ее, Лиз и вовсе выглядела как девушка с рекламы шампуня «Брек».

Между Купом и Лиз была любовь с первого взгляда, которая оставалась, причем, чисто платонической – во всяком случае, со стороны актера. В Лиз он ценил не столько внешность, сколько ее навыки отличной секретарши, а также ту материнскую заботу, которую она стала проявлять к боссу с самого начала своей службы у него. Тогда Куперу было уже под пятьдесят, но он был ее кумиром, и Лиз обожала и боготворила его. На протяжении всех двадцати двух лет она была тайно влюблена в Купера и посвятила себя преданному служению предмету своей страсти. Работая подчас по четырнадцать часов в день, Лиз не жалела сил, стараясь поддерживать дела патрона в идеальном порядке. Она старалась всегда быть под рукой на случай, если понадобится своему кумиру; неудивительно поэтому, что Лиз так и не обзавелась собственной семьей и детьми. Это была жертва, принесенная ею на алтарь безответной страсти, и Лиз до сих пор считала, что Куп этого заслуживает.

Иногда он заставлял ее тревожиться, и довольно сильно. В последние годы это происходило все чаще. Для Купа как будто вовсе не существовало такой вещи, как реальность; все проблемы он воспринимал как временное неудобство, как досадный и надоедливый пустяк, вроде жужжания moskitov над головой, и стремился уклониться от их решения любой ценой. Он слышал только то, что хотел слышать, то есть обращал внимание лишь на те новости, которые были приятными. Все остальное он отсортировывал и отбрасывал задолго до того, как плохие известия достигали его ушей и успевали внедриться в сознание, – и по большей части это сходило ему с рук. Но только не сегодня. Сегодня Эйб специально приехал в «Версаль», чтобы открыть ему глаза на действительное положение дел вне зависимости от того, хочется этого Куперу или нет.

– Привет, Лиз. Куп дома? – сурово спросил Эйб. Он не очень любил иметь дело с Купером Уинслоу – слишком разными людьми они были.

– Еще нет, – ответила Лиз и, радушно улыбнувшись, провела бухгалтера в библиотеку. – Но он обещал быть с минуты на минуту, – добавила она, пригласив

Эйба садиться. – Куп поехал на переговоры насчет главной роли.

– В чем? В мультфильме для детишек дошкольного возраста? – буркнул Эйб, и Лиз дипломатично промолчала. Она едва сдерживалась, когда о ее обожаемом патроне говорили в подобном тоне. В глазах Лиз Куп был непогрешим, хотя она и понимала причины раздражения и тревоги Эйба. Куп не слушал его советов, а между тем его финансовое положение с каждым годом все больше ухудшалось; в последние же двенадцать месяцев оно и вовсе стало катастрофическим. «Его нужно остановить!» – так сказал Эйб, когда накануне вечером Лиз разговаривала с ним по телефону. Сегодня он приехал к Купу, чтобы исполнить свое намерение, и был очень недоволен, что актера, как и всегда в подобных случаях, не оказалось дома. Впрочем, Куп опаздывал почти постоянно, опаздывал всюду и всегда, но он умел быть настолько обаятельным, что люди охотно прощали ему подобное поведение. Даже Эйб, хотя подчас и скрипел зубами от злости, еще ни разу не уехал, не дождавшись возвращения своего ветреного клиента.

– Не хотите ли выпить чего-нибудь, Эйб? – спросила Лиз, привычно разыгрывая роль хозяйки, которая извиняется перед гостем за необязательного хозяина. Ливермор стоял рядом с невозмутимым видом, который сохранял при любых, даже самых скандальных ситуациях. Правда, ходили слухи, будто один или два раза Куперу удалось-таки заставить своего дворецкого улыбнуться, но никто этого не видел, да и Лиз этому не верила – Ливермор был слишком хорошо вышколен, чтобы позволить себе такой faux pas [1 - Faux pas – ложный шаг, промах (фр.)]. (Здесь и далее – прим. пер.), как улыбка.

– Нет, спасибо, – буркнул Эйб. Он старался сохранять непроницаемое выражение лица, но ему это плохо удавалось. Лиз, во всяком случае, ясно видела, как растет, грозя выплеснуться наружу, его раздражение.

– Тогда, может быть, чаю со льдом? – снова предложила она, стараясь хоть как-то отвлечь Эйба и успокоить его, прежде чем он встретится с Купом.

– Что ж, пожалуй, – сухо кивнул Эйб. – Как ты думаешь, на сколько он опоздает сегодня?

Часы показывали пять минут первого, и им обоим было совершенно ясно, что раньше чем через час или полтора Купа ждать нечего. Оба, впрочем, знали, что

по прошествии этого срока он появится, вооруженный каким-нибудь правдоподобным объяснением, и станет улыбаться своей знаменитой чарующей улыбкой, от которой у женщин обычно появлялась приятная слабость в ногах. На Эйба, однако, эти улыбки давно уже не действовали.

– Думаю, что ненамного, – ответила Лиз. – Куп говорил – это только предварительная встреча. Продюсер собирался показать ему сценарий.

– Что за сценарий, хотел бы я знать?! Опять ему предложат какую-нибудь крошечную роль.

Самыми последними ролями, которые сыграл в кино Куп, были роли без слов; фактически он появлялся на экране только в качестве статиста, правда – очень живописного статиста. Особенно любили режиссеры сажать его с какой-нибудь красавицей в баре, куда по ходу действия заходил главный герой или героиня. Куп называл это «играть мебель». Иногда ему удавалось произнести одну или две фразы, но такое случалось редко. Для эпизодических ролей он был слишком известен, да и внешность у него была, что называется, фактурная. Куп снимался почти исключительно во фраке или в смокинге, а его бьющее через край обаяние привлекало к нему чересчур большое внимание. О дополнительных льготах в его контрактах в Голливуде до сих пор ходили легенды. Каким-то образом ему удавалось оставить за собой все костюмы для съемок, которые шились по специальному заказу его любимыми портными в Париже, Лондоне и Милане. Но этого ему было мало, и, к огромному неудовольствию Эйба, Куп продолжал приобретать изысканную одежду, а также хрусталь, антиквариат и дорогие картины во всех местах, где ему случалось бывать. Счета за эти покупки, включая «Роллс-Ройс» последней модели, регулярно оказывались на столе Эйба, едва не доводя бухгалтера до нервного срыва. Недавно он узнал, что Куп, так сказать, «положил глаз» на эксклюзивную модель «Бентли Азур» с откидным верхом и турбоприводом стоимостью в полмиллиона долларов, и был готов немедленно позвонить ему, чтобы обругать последними словами. С точки зрения Купа, однако, эта машина была прекрасным дополнением к уже стоявшим в его гараже двум «Роллс-Ройсам» (один седан, второй – с откидным верхом) и лимузину «Бентли» ручной сборки. Костюмы и машины были для него не роскошью, а предметами первой необходимости. Куп совершенно искренне считал, что не может без них обойтись, и до сегодняшнего дня Эйб ничего не мог с ним поделать.

В библиотеку вошел слуга с двумя стаканами охлажденного чая на подносе (Ливермор незаметно исчез минуты две назад). Он не успел еще покинуть комнату, как Эйб, нахмурившись еще больше, обратился к Лиз.

– Купу придется рассчитать прислугу. И я хочу, чтобы он сделал это сегодня же, – сказал он, и слуга с беспокойством покосился на бухгалтера.

Перехватив этот взгляд, Лиз поспешила улыбнуться, чтобы успокоить молодого человека. Это была ее обязанность: успокаивать, умиротворять слуг и кредиторов – и платить по счетам. Правда, прислуге она всегда старалась заплатить в первую очередь, и все же несколько раз Лиз не смогла вовремя достать деньги и вынуждена была задержать зарплату на месяц или два. Прислуга, впрочем, никогда не выказывала недовольства. Сама Лиз не получала содержания уже полгода, так как вся ее зарплата уходила на затыкание дыр в бюджете хозяина, но она не особенно переживала по этому поводу, хотя каждый раз ей было нелегко объяснить жениху, который у нее наконец появился, почему она столько времени работает на Купа бесплатно. Лиз знала, что возьмет свое, когда Куп снимется в рекламе или, возможно, сыграет эпизодическую роль в новом фильме, к тому же она могла позволить себе быть терпеливой, так как, в отличие от своего босса, сумела отложить кое-что на черный день. Тратить деньги ей было некогда и не на что, так как у Купа она жила фактически на всем готовом и могла экономить, да и патрон был неизменно щедр к ней.

– Может, не стоит так спешить? – спросила Лиз, не скрывая беспокойства. – Слуги тяжело это воспримут. Может быть, уменьшать количество работников постепенно?

– Куперу нечем им платить, Лиз, и ты это знаешь, – возразил ей Эйб. – У него нет денег. Я мог бы посоветовать ему продать машины и дом. За машины он много не выручит, но особняк... Если продать «Версаль», мы сможем выкупить обе закладные, заплатить все долги, и даже после этого у него останется достаточно денег, чтобы купить роскошные апартаменты в Беверли-Хиллз и до конца дней своих жить припеваючи. Он снова будет состоятельным человеком, Лиз.

Купа уже давно нельзя было назвать состоятельным, но Лиз знала, что продать «Версаль» для него было невыносимо. Дом стал частью его самого, как рука или нога. Или как сердце. На протяжении четырех с лишним десятилетий «Версаль» оставался неотъемлемой составляющей его личности, и Куп скорее бы умер, чем

расстался с ним. Да и машины – она знала – он вряд ли захочет продать. Лиз, во всяком случае, не могла себе представить Купа за рулем какого-то другого автомобиля, кроме «Роллс-Ройса» или «Бентли», – слишком уж он сжился с образом, который создавал на протяжении всей своей карьеры в кино.

И в конечном итоге этот образ стал его главенствующим «я», подменив собой того Купера Уинслоу, которым он явился на свет. Во многом благодаря этому блестящему образу большинство людей даже не подозревали, что знаменитый Куп Уинслоу вот уже много лет находится в стесненных финансовых обстоятельствах. Они были склонны считать, что он просто небрежно относится к своей бухгалтерии и забывает оплачивать счета. Несколько лет назад у него едва не возникли неприятности с Налоговым управлением, и Лиз пришлось позаботиться о том, чтобы все деньги, которые Куп получил за съемки на одной из европейских студий, были незамедлительно перечислены в фискальные органы. Благодаря этому ей удалось на время снять все проблемы с налогами, однако в последнее время положение снова осложнилось. Сам Куп утверждал, что ему нужна только одна звездная роль, чтобы рассчитаться со всеми долгами, и Лиз неоднократно повторяла эти слова Эйбу. Она всегда оправдывала, выгораживала, защищала своего патрона от недоброжелателей (читай – кредиторов), однако с каждым годом делать это ей становилось все труднее из-за безответственного поведения самого Купа. Для него как будто вовсе не существовало никаких финансовых проблем, и в этом – как прекрасно знали Эйб и Лиз – был весь Купер Уинслоу.

Но теперь Эйб был сыт этими играми по горло.

– Купу семьдесят лет, – сказал он. – Вот уже почти два года он не снимается, а последняя крупная роль в кино у него была в пятьдесят – двадцать лет назад. Разумеется, если Куп начнет активнее сниматься в рекламе, его положение улучшится, но, честно говоря, ненамного. На рекламе много не заработаешь... во всяком случае, столько, сколько ему необходимо. И я больше не собираюсь мириться с тем, как легкомысленно он относится к своему положению. Если в самое ближайшее время Куп не предпримет каких-то решительных шагов, он окажется в тюрьме.

Почти год Лиз оплачивала кредитные карточки с помощью других кредитных карточек; Эйб об этом пронюхал и был возмущен. Были и другие счета, которые остались неоплаченными. И Лиз прекрасно об этом знала, однако у нее не укладывалось в голове, что Куп действительно может в конце концов угодить за

решетку.

Был почти час дня, когда Лиз, вызвав звонком Ливермора, попросила принести мистеру Бронстайну пару сэндвичей и томатный сок. Сам мистер Бронстайн выглядел к этому времени так, словно вот-вот начнет изрыгать дым, пепел и раскаленную лаву. Он был очень зол на Купа, и только преданность своему делу удерживала его на месте. Эйб был исполнен решимости довести до конца дело, ради которого он сюда приехал, вне зависимости от того, будет Куп помогать ему или нет. Удивляло его только одно: как могла Лиз терпеть своего безответственного патрона столько лет? Старый бухгалтер всегда подозревал, что между Купом и его секретаршей существуют или существовали в прошлом интимные отношения, и был бы очень удивлен, если бы кто-то сказал ему, что это не так. Куп был слишком умен, чтобы спать со своей секретаршей, да и Лиз не позволила бы себе ничего подобного. Она обожала босса много лет, но не собиралась ложиться с ним в постель, да и Куп, высоко ценя их добрые дружеские отношения, никогда не просил ее ни о чем подобном. Прежде всего он был джентльменом; дружба и преданность были для него понятиями почти святыми, и Куп никогда не путал дружбу с сексом.

В половине второго Эйб доел последний сэндвич и допил сок. К счастью, к этому моменту Лиз удалось втянуть его в разговор о последней игре «Доджерс» – любимой команды Эйба. Она знала, что старый бухгалтер страстно любит бейсбол, и воспользовалась этим обстоятельством, чтобы хоть немного отвлечь его от финансовых прегрешений Купера Уинслоу. И это ей удалось. Лиз обладала особым даром общаться с людьми. Эйб почти забыл о времени, и лишь быстрый наклон головы Лиз, прислушивавшейся к хрусту гравия на подъездной дорожке, заставил его замолчать.

– Что?..

– Вот, кажется, и Куп. – И Лиз улыбнулась Эйбу с таким видом, словно возвещала о прибытии царственной особы.

И в чем-то она была права. Куп хотя и приехал один, зато он сидел за рулем кремово-белого «Бентли Азур» с откидным верхом, который продавец любезно одолжил ему на несколько недель. Это была великолепная машина, и она очень шла Купу. Впрочем, и без машины им невозможно было не залюбоваться. Куп без преувеличения был потрясающе красивым мужчиной. У него были тонкие, словно точеные черты лица, правильный подбородок с мужественной ямочкой,

ярко-голубые глаза, гладкая светлая кожа и чистый лоб. Седые волосы были уложены в аккуратную прическу, которая не растрепалась, даже несмотря на открытый верх «Бентли». Это, однако, нисколько не удивило Лиз, поскольку Купер – и не только в ее глазах – всегда был эталоном, совершенством, образцом, сравняться с которым не в силах был никто. Мужественный, элегантный, подтянутый, он в то же самое время был наделен несравненным чувством внутренней свободы, которое отличало его от живых манекенов, пытавшихся ему подражать. Куп редко выходил из себя и почти никогда не волновался. В каждом его движении чувствовался врожденный аристократизм, который он отточил и развил, превратив в высокое искусство. Родом Купер Уинслоу был из старинной нью-йоркской семьи, которая могла похвастаться разветвленным генеалогическим древом – и почти полным отсутствием денег, так что, когда он начинал свою карьеру, ничего, кроме имени, у него не было. Всего, что он достиг в жизни, Купер Уинслоу добился своим трудом и талантом.

В пору расцвета своей популярности он переиграл чуть ли не всех богатых аристократов и был чем-то вроде современного Кэри Гранта с внешностью Гари Купера. Ни разу в жизни Куп не представлял на экране вульгарного нувориша, негодяя или человека с сомнительной репутацией; в списке его ролей были только положительные герои и первые любовники, безупречно одетые и с ослепительной внешностью. Но больше всего импонировал зрительницам его взгляд – мягкий, добрый, чуть задумчивый, романтический. Ни на экране, ни в жизни Куп не был жестоким или мелочным. Женщины, с которыми он когда-либо встречался, продолжали обожать его даже после того, как он расставался с ними, насытив, как он выражался, свое эстетическое чувство. Ни одна из его прежних любовниц никогда не отзывалась о нем плохо, а были их десятки, если не сотни. Им было приятно проводить с ним время, так как Куп обладал талантом придавать самым банальным вещам блеск и неповторимую элегантность. В Голливуде не было, наверное, ни одной сколько-нибудь заметной звезды женского пола, которая не прошла бы через его постель.

Но, несмотря на это, Куп до сих пор оставался холостяком. Прожив семьдесят лет, он сумел избежать уз Гименея и втайне даже гордился этим. Впрочем, на семьдесят он не выглядел. Куп всегда следил за собой, занимался с личным тренером в тренажерном зале «Версаля», не переедал, избегал прямых солнечных лучей, и ему нельзя было дать больше пятидесяти пяти. А сейчас, когда он вышел из великолепной машины в светлом блейзере, серых свободных брюках и безупречной голубой рубашке, он выглядел еще моложе. Эта одежда только подчеркивала, какие у него широкие плечи, узкая талия и длинные ноги. В Купе было шесть футов и четыре дюйма, и этим он также отличался от

большинства современных голливудских идиолов, которые почти все были низкорослыми коротышками.

Оглянувшись, Куп приветливо улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами, и помахал садовникам; при этом любая женщина непременно заметила бы, какие красивые у него руки. Казалось, в нем нет ни одного изъяна, а его обаяние действовало на расстоянии не менее ста миль. Слово живой магнит, Куп притягивал в равной степени и мужчин, и женщин, и лишь немногие его знакомые – Эйб Бронштейн в том числе – оставались невосприимчивы к его чарам.

Ливермор тоже давно заметил приближение машины хозяина и поспешил в холл, чтобы открыть перед Купом дверь.

– Добрый день, сэр, мистер Уинслоу, – чопорно приветствовал он Купа.

– Привет, Ливермор, – беспечно отозвался Куп. – Что-то ты сегодня мрачный. Кто-нибудь умер?

Он всегда поддразнивал своего чрезмерно серьезного дворецкого, стараясь заставить его если не рассмеяться, то хотя бы улыбнуться. Для него это было чем-то вроде спорта, задачи, над которой он не уставал биться, пытаясь отыскать решение. Впрочем, Куп был доволен своим дворецким, искренне восхищаясь его достоинством, неизменной выдержкой, рассудительностью и умом. Ливермор поступил к нему на работу пять лет назад, и Куп не раз признавался Лиз, что именно о таком дворецком он мечтал всю жизнь. Ливермор придавал особняку особый шик и стиль. Кроме того, дворецкий умело заботился о гардеробе Купа, что тоже было непросто.

– Нет, сэр. Мистер Бронштейн и мисс Салливан ждут вас в библиотеке, сэр, – сообщил дворецкий. – Они только что закончили ленч.

Ливермор не сказал хозяину, что бухгалтер ждет его с самого полудня. Он всегда избегал лишних слов, к тому же Купу, скорее всего, было все равно. Он считал, что, коль скоро Эйб Бронштейн на него работает, он может и подождать – за это ему и деньги платят. Тем не менее, входя в библиотеку, Куп улыбнулся бухгалтеру самой широкой и обезоруживающей улыбкой, которая, впрочем, пришла к нему естественно и без особого труда. Эйб, однако, давно не

попадался на такие простые уловки; глядя на Купа, он только вздохнул. Купер Уинслоу танцевал под собственную музыку, и до сих пор Эйб ничего не мог с этим поделать.

– Надеюсь, тебя хорошо накормили, Эйб? – спросил Купер с таким видом, словно он не опоздал на два часа, а напротив – приехал на несколько минут раньше назначенного срока. Это был его стиль; он всегда старался застать собеседника врасплох, ошеломить, очаровать и в конце концов заставить забыть обо всех мелких (крупных он не признавал) недоразумениях вроде двухчасового опоздания. Эйб, однако, не попался и на эту удочку и не мешкая перешел к делу.

– Я приехал сюда, чтобы поговорить о твоём финансовом положении, Куп, – сказал он серьезно. – Нам нужно многое обсудить и принять несколько важных решений.

– Не имею ничего против, – ослепительно улыбнулся Купер и, с размаха усевшись на диван, вытянул перед собой длинные ноги. Он был абсолютно уверен, что в течение нескольких секунд Ливермор подаст ему бокал шампанского, которое поможет ему пережить визит бухгалтера относительно спокойно, и не ошибся. Дворецкий бесшумно вырос рядом, держа в руках серебряный поднос с высоким бокалом «Кристалля». В подвале особняка хранилось несколько дюжин бутылок этого благословенного напитка, так как Куп всегда пил только «Кристалль», выдержанный и охлажденный по всем правилам. Там же, в винном погребе, который был таким же легендарным, как и изысканный вкус его владельца, хранилась и коллекция редких вин, главным сокровищем которой служили несколько бутылок «Прадо» 1817 года.

– Давай начнем с того, что дадим Лиз прибавку к жалованью. Я давно собирался это сделать, – добавил он и улыбнулся Лиз, а она почувствовала, как от жалости у нее сжалось сердце. Как и у Эйба, у нее тоже была припасена для босса неприятная новость, которую она вот уже целую неделю не решалась ему сообщить.

– Сначала послушай, что я тебе скажу, – возразил Эйб. – Я намерен рассчитать всех твоих слуг прямо сегодня. Что скажешь?

Куп расхохотался. Ливермор, в лице которого не дрогнул ни один мускул, с достоинством поклонился хозяину и вышел.

– Ты с ума сошел!.. – Куп отпил глоток шампанского и поставил бокал на мраморный столик. – И как только такое могло прийти тебе в голову? Рассчитать моих слуг! Может, лучше распять их? Или расстрелять?

– Я говорю совершенно серьезно! Им придется уйти. Мы только недавно полностью расплатились с ними, ведь твоя домашняя прислуга не получала зарплату почти три месяца. В будущем месяце платить им уже нечем. Иными словами, ты не можешь позволить себе содержать такой многочисленный штат, Куп. – В голосе бухгалтера неожиданно прозвучали жалобные ноты, словно он знал: ничто из того, что он может сказать, не заставит Купа воспринимать его слова серьезно. Каждый раз, когда Эйб разговаривал с ним о делах, у него появлялось ощущение, будто его слова лишь впустую сотрясают воздух. Купер не слышал его – просто не желал слышать.

– Я сегодня же вручу им уведомление об увольнении, – сказал Эйб, постаравшись придать своему голосу как можно больше твердости. – И дам им две недели на поиски нового места. Тебе я оставляю только одну горничную.

– Великолепно! – воскликнул Куп с саркастическим видом. – А кто будет отпаривать и чистить мои костюмы? Кстати, какую из горничных ты решил мне оставить? – У Купа было три горничных, повар и официант, который прислуживал за столом. Ливермор, дворецкий. Восемь садовников. Водитель, который работал на полставки, так как Куп предпочитал водить свои машины сам и вызывал шофера только для самых торжественных случаев. Он всегда считал: чтобы содержать в порядке такое большое поместье, необходим и большой штат. В глубине души Куп признавал, что мог бы обойтись и гораздо меньшим количеством работников, но ему льстило, что его обслуживает такой штат прислуги. А Куп никогда не упускал случая потешить свое самолюбие.

– Мы оставили Палому Вальдес. Она обходится дешевле всего, – практично сказал Эйб.

– Палома... Палома... – пробормотал Куп и, нахмурившись, вопросительно посмотрел на Лиз. – Это которая же?.. – Он никак не мог вспомнить горничную с таким именем. Двух его горничных-француженок звали Джоанна и Луиза, и он хорошо их знал, но вот Палома... Это имя было ему абсолютно незнакомо.

– Палома из Сальвадора. Я наняла ее в позапрошлом месяце, – напомнила Лиз. – Мне казалось, она тебе понравилась.

Лиз разговаривала с ним как с ребенком, и Куп несколько смутился.

– Я был уверен, что ее зовут Мария, – сказал он. – Во всяком случае, я обращался к ней именно так, а она меня не поправила. – Он перевел взгляд на Эйба. – Но ведь это же смешно! – добавил он. – Одна горничная на весь дом! Она не справится!

– У тебя нет выбора, – без обиняков заявил бухгалтер. – Тебе придется уволить всю прислугу, продать автомобили, а главное – ничего не покупать. Абсолютно ничего, Куп, в буквальном смысле слова! Ни машин, ни новых костюмов, ни картин, ни даже новых носков. Только в этом случае ты, возможно, сумеешь выбраться из лужи, в которую сам себя посадил. Мне бы хотелось, конечно, чтобы ты продал «Версаль» – это решило бы все твои проблемы, – но ведь ты на это не пойдешь. Остается одно: сдать флигель и, возможно, часть дома тоже. Только так ты сможешь заработать какие-то деньги на покрытие самых неотложных долгов. Лиз говорила мне, что ты практически не пользуешься гостевым крылом. Сдай его! Я уверен, мы сумеем получить за него неплохую ренту и за флигель у въездных ворот тоже. Тебе ведь они все равно не нужны.

Этот ход Эйб придумал, зная, что Куп наотрез откажется продавать дом. Он, однако, был уверен, что это только временная мера и что в конце концов продажи «Версаля» не избежать, если только не произойдет чуда. А в чудеса старый бухгалтер не верил.

– А вдруг ко мне приедут гости? – возразил Куп. – Куда я их поселю? Нет, Эйб, то, что ты предлагаешь, просто смешно. Может быть, мне лучше самому переселиться в дом у ворот, а здесь открыть пансион? Сдать гостевое крыло – что за бредовая идея!

У Купа был такой вид, что сразу было ясно: он не собирается уступать, и Эйб смерил своего клиента мрачным взглядом.

– Боюсь, ты не понимаешь, в каком положении оказался, – сказал он негромко, но так жестко, что Купер сразу насторожился. – Поверь мне: если ты не послушаешься моего совета, то не пройдет и двух месяцев, как тебе придется

выставить «Версаль» на продажу. Ты почти банкрот, Куп! Пойми это наконец!

– Это просто временные трудности, Эйб, уверяю тебя! – горячо возразил Купер. – Все, что мне нужно, это хорошая роль в хорошем фильме, и я снова буду на коне. Кстати, сегодня мне принесли превосходный сценарий, – добавил он и довольно улыбнулся.

– И что за роль ты там будешь играть? – требовательно спросил бухгалтер. Уже не в первый раз Куперу предлагали «превосходный сценарий», но каждый раз дело кончалось «пшиком».

– Я еще не знаю, – ответил актер, несколько смутившись. – Продюсер говорил – он обязательно хочет ввести меня в фильм. Сценарист напишет роль специально для меня, а значит, она будет такой, как я захочу.

– Похоже, ты опять появишься в одном-двух эпизодах продолжительностью не больше трех минут каждый, – сказал Эйб, не скрывая своего разочарования, и Лиз страдальчески сморщилась. Она терпеть не могла, когда кто-то был жесток с Купом. А реальность всегда оказывалась для него слишком жестокой – именно поэтому он старался не слышать того, что ему не нравилось. Когда мир поворачивался к нему своей неприятной стороной, Куп просто отгораживался от него. Он хотел, чтобы его жизнь всегда была спокойной и приятной, и на протяжении многих лет такой она и была. Вполне естественно, что теперь ему было трудно смириться с мыслью, что он больше не в состоянии оплачивать все свои прихоти. Сколько Лиз его знала, Куп никогда не колебался, приобретая новую машину, заказывая с полдюжины дорогих костюмов или покупая подружке бриллиантовое кольцо. Он был выгодным клиентом – престиж был для представителей известных фирм важнее денег, – ведь сам Купер Уинслоу будет носить, водить, использовать их товар, славя их марку. Что же касалось оплаты, то они не спешили, полагая, что рано или поздно Куп с ними расплатится. И в большинстве случаев так и происходило, главным образом благодаря Лиз, ухитрявшейся выкраивать из скромного бюджета патрона необходимые средства для покрытия счетов.

– Послушай, Эйб, неужели нельзя немного подождать? Ведь ты прекрасно понимаешь, что одна большая роль решит все проблемы. Мы снова будем купаться в деньгах. Я уверен, что уже к концу следующей недели смогу получить десять миллионов, может, даже пятнадцать. – Куп продолжал жить в мире несбыточных мечтаний и не осознавал этого.

Эйб оставался непреклонен.

– Если тебе повезет, Куп, ты получишь миллион, не больше. Пятьсот тысяч – цифра более реальная. Я лично уверен, что больше двухсот тысяч тебе не заплатят. Ты больше не сможешь грести деньги лопатой, Куп, это печальный факт, и тебе давно пора его признать. – Эйб не сказал, что Купер Уинслоу практически вышел в тираж, что его слава – лишь отражение былого и что его карьера близится к закату. Даже он знал, что можно, а что нельзя говорить такому человеку, как Куп. Вместе с тем истина, на которую Куп упрямо закрывал глаза, состояла в том, что одна-две сотни тысяч за коммерческую рекламу были сегодня его потолком. Несмотря на свою импозантную внешность, он уже слишком стар, чтобы играть первых любовников. Те дни остались в далеком прошлом.

– На то, что тебе вдруг повезет и ты заработаешь кучу денег за одну роль, рассчитывать не стоит, – продолжал Эйб. – Если ты скажешь своему агенту, что хочешь работать, он подберет тебе рекламу – по пятьдесят тысяч за ролик, может быть, по сто тысяч, если рекламируемый продукт будет достаточно дорогим. И тебе придется постоянно этим заниматься, потому что иначе... Пойми, Куп, мы не можем просто сидеть и ждать, когда тебе подвернется что-то достаточно денежное. Возможно, рано или поздно так и будет, но до тех пор тебе придется затянуть пояс. Прекрати швырять деньги на ветер, сократи штат прислуги до минимума, сдай внаем флигель и гостевое крыло, и тогда, быть может, нам удастся хотя бы на время стабилизировать ситуацию. Пока же ты катишься в пропасть, и, если ты не начнешь экономить, уже через пару месяцев тебе придется выставить «Версаль» на продажу. Я уверен, что ты должен сделать это сейчас, чтобы решить все проблемы разом, но Лиз, мне кажется, считает, что тебе трудно будет с ним расстаться.

– Продать мой «Версаль»?! – Куп расхохотался. – И после этого ты утверждаешь, что ты не сумасшедший? Я прожил здесь уже больше сорока лет и, как ни мелодраматично это звучит, собираюсь умереть в этих стенах.

– Если ты будешь и дальше тратить деньги направо и налево, – мрачно заметил Эйб, – то твоему намерению умереть в этих стенах не суждено сбыться. Я говорил тебе об этом два года назад и повторяю сейчас. Ты должен что-то сделать, иначе твой дом пойдет с молотка, и в его стенах умрет кто-то другой. А ты умрешь под забором, как бездомный бродяга. Или в номере второразрядной

ГОСТИНИЦЫ.

– Да-да, я помню: ты действительно говорил что-то подобное два года назад, но я-то еще здесь, не так ли? Я не разорился, не попал в тюрьму, не... Похоже, Эйб, тебе пора принимать таблетки для поднятия настроения, а то ты глядишь на вещи слишком уж мрачно... – Куп часто шутил, что Эйб Бронстайн выглядит как гробовщик, да и одевается так же. Конечно, он никогда не говорил этого вслух, во всяком случае, не при Эйбе. Подобные вещи всегда раздражали Купа, но он не хотел смущать Эйба обидными замечаниями.

– Вы серьезно насчет прислуги? – повторил он, поглядев сначала на Эйба, потом на Лиз, и секретарша утвердительно кивнула.

– Боюсь, Эйб совершенно прав, – сказала она. – Ты тратишь огромные деньги на зарплату прислуге, а положение таково, что... Я надеюсь, впрочем, что это только временно; пройдет сколько-то месяцев, и ты снова начнешь зарабатывать большие деньги. Тогда ты снова сможешь нанять горничных, садовников, повара... – Лиз всегда старалась подбодрить Купа, подать ему надежду. Ей страшно было даже подумать о том, что может случиться, если он вдруг лишится иллюзий, которые составляли основу его жизни.

– Но скажите же мне, как может горничная, да еще из Сальвадора, справиться со всем хозяйством одна?! – воскликнул Куп, на лице которого появилось потрясенное выражение. Предложение Эйба по-прежнему казалось ему абсурдным.

– Ей не придется справляться со всем хозяйством, если ты сдашь часть дома, – резонно заметил Эйб. – Это решает по крайней мере одну проблему.

– Подумай сам, Куп, – вмешалась Лиз, – ты не пользовался гостевым крылом почти два года, а флигель закрыт уже три года. – Она говорила таким голосом, каким матери уговаривают своих малышей расстаться со старыми игрушками или доесть кашу. – Ты и не заметишь, что там кто-то живет!

– Но я вовсе не хочу, чтобы там кто-то жил! – возразил Купер. – Почему я должен пускать в свой дом посторонних людей?

– Потому что ты хочешь сохранить «Версаль» – вот почему, – ответил Эйб. – В противном случае можешь с ним распрощаться. Я не шучу, Куп!

– Ладно, я подумаю, – уклончиво ответил Куп. Все, что до сих пор говорили Лиз и Эйб, он не воспринимал всерьез. Интересно, размышлял Куп, что за жизнь у него будет, если старый скупердяй действительно уволит всех слуг? Кто будет гладить ему рубашки, чистить костюмы, убираться, ухаживать за садом, готовить?

– А что, готовить себе завтраки, обеды и ужины я теперь должен сам? – язвительно осведомился он.

– Судя по твоим кредитным карточкам, – холодно парировал Эйб, – ты слишком часто обедаешь и ужинаешь в ресторанах, чтобы этот вопрос действительно имел для тебя существенное значение. Ты и не заметишь, что у тебя больше нет повара. То же касается и остальных. Ну а насчет уборки... Раз в месяц можно вызывать людей из бюро добрых услуг.

– Прекрасно! Может быть, лучше сразу обратиться в ближайшую тюрьму – пусть время от времени присылают нам команду заключенных. Это обойдется еще дешевле, Эйб! – В глазах Купа вспыхнул шутливый огонек, и старый бухгалтер в отчаянии воздел руки.

– С тобой просто невозможно иметь дело! – воскликнул он. – Ты совершенно не слушаешь, что тебе говорят. Положение отчаянное, Куп, я обязан принять меры. Я уже подписал чеки для слуг. Выходное пособие для всего штата составило кругленькую сумму, но это, к счастью, последняя трата.

– Я свяжусь с риелторским агентством в понедельник, – тихо добавила Лиз. Ей ужасно не хотелось еще больше расстраивать Купа, но выхода не было. Не могла же она сдать флигель и гостевое крыло без его ведома! В глубине души Лиз, впрочем, считала, что Эйбу пришла в голову очень неплохая идея. Куп редко пользовался гостевым крылом, а про флигель у ворот он вообще не вспоминал уже лет пять. Между тем оба были прекрасно обставлены и могли приносить действительно неплохие деньги. Возможно, если Куп сдаст их, он в конце концов сумеет выкарабкаться, к тому же у него просто не было выхода, поскольку расстаться с домом было выше его сил.

– Ну хорошо, хорошо, – неожиданно согласился Купер. Очевидно, он наконец воспринял вещи реально. – Можете сдать флигель и гостевое крыло, только смотрите, чтобы в моем доме не поселился какой-нибудь маньяк-убийца. Кроме этого, у меня есть еще условие: никаких детей и собак. И вообще я хочу, чтобы моими арендаторами были женщины, привлекательные женщины, желательно – не старше двадцати восьми. Отсматривать кандидатов я буду сам... – Он ухмыльнулся, но Лиз поняла, что Куп почти согласен. Она была рада, что он не стал упрямиться, но про себя решила – нужно постараться поскорее найти жильцов, пока он не передумал.

– У тебя все? – спросил Куп у Эйба и поднялся, давая понять, что на сегодня с него хватит. В самом деле, у него давно не было подобных столкновений с реальностью, и он был сыт по горло. Лиз видела – ее патрону очень хочется, чтобы бухгалтер поскорее убрался. Эйб, по-видимому, тоже решил, что перегибать палку не стоит.

– На сегодня все, – ответил он и тоже встал. – Постарайся не забыть мои слова, Куп. Обещай, что не будешь ничего покупать!

– Обещаю и даже клянусь. Буду ходить в дырявых носках и белье, лишь бы твоя душенька была довольна!

На это Эйб ничего не ответил, молча подошел к Ливермору и вручил ему конверты, которые предварительно достал из кейса, и попросил раздать их слугам. Всем им, не исключая самого дворецкого, предстояло искать себе новые места.

– Какой упрямый старикашка, – с улыбкой сказал Куп, когда Эйб вышел. – Должно быть, у него было трудное детство. Готов спорить: отец драл его ремнем за малейшую провинность, и он вымещал зло на мухах, обрывая им крылья. Бедный, бедный старина Эйб! Как жаль, что он холост и у него нет никого, кто выбросил бы эти его ужасные костюмы!

– Он желает тебе только добра, Куп, – вступилась Лиз. – Я понимаю – разговор был нелегкий, но положение действительно угрожающее. Ты не волнуйся. В оставшиеся две недели я постараюсь как следует подготовить Палому. Быть может, Ливермор даже успеет научить ее следить за твоими костюмами.

– Меня просто в дрожь бросает, когда я думаю о том, что с ними теперь будет! Предупреди ее, по крайней мере, что мужские костюмы нельзя стирать в стиральных машинах и кипятить их тоже нельзя. Впрочем, вряд ли от ваших этих действий будет толк... – Куп обиженно фыркнул. – Как думаешь, не податься ли мне в комические актеры? Впрочем, в костюмах, за которыми следит Палом Вальдес, меня не возьмут даже клоуном в бродячий цирк! – Он перевел дух и добавил почти спокойно: – А может, оно и к лучшему... Одно могу сказать: теперь, когда в «Версале» останемся только ты, я и Палом, здесь будет гораздо тише и... – Он осекся, заметив выражение глаз Лиз. – Что случилось? Неужели этот старый мухомор уволил и тебя?!

В его голосе прорвались нотки самой настоящей паники, и Лиз в который уже раз почувствовала, как от жалости ее сердце буквально рвется на части. Ей потребовалось время, прежде чем она нашла в себе силы ответить.

– Нет, меня он не уволил, но... Я ухожу сама. Мне... Я должна... – Она произнесла эти слова еле слышно. О том, что она решила уволиться, Лиз сообщила Эйбу еще накануне, и только поэтому он не уволил ее вместе с остальной прислугой.

– Почему?! – изумился Куп. – Почему ты должна уйти? И что, скажи на милость, я буду без тебя делать?! Не говори глупости, Лиз. Уж лучше я продам «Версаль», чем останусь без тебя. Да я сам готов мыть здесь полы, лишь бы ты осталась!

– Это не поможет. – Лиз судорожно сглотнула, почувствовав подкативший к горлу комок. – Даже если бы у тебя были деньги, я бы все равно ушла. Дело в том, что я... Я выхожу замуж, Куп.

– Что-о?.. Выходишь замуж? За кого? Надеюсь, не за того кривоногого зубного врача из Сан-Диего?

Этой истории было уже лет пять, но Куп, подобно многим беспечным людям, не замечал бега времени. Как, впрочем, и многого другого. Но он не мог представить себя без Лиз, и ему даже не приходило в голову, что она может выйти замуж. Сейчас ей было пятьдесят два, и Купу порой казалось, что Лиз была с ним всегда – и всегда будет. Для него она давно перестала быть секретаршей и превратилась почти что в члена семьи.

По щекам Лиз покатались слезы.

- Нет. Мой муж... будущий муж работает биржевым маклером в Сан-Франциско.

- И когда... когда он у тебя появился?

- Примерно три года назад. Тогда я не думала, что мы поженимся, но... В прошлом году я тебе про него рассказывала. Мне казалось - мы так и будем встречаться время от времени, но в этом году он решил удалиться от дел. Он хочет, чтобы я поехала с ним путешествовать. У него есть дети, но они давно выросли, и он сказал мне: сейчас или никогда. Вот я и подумала, что не должна упускать такой шанс, потому что другого у меня, наверное, уже не будет.

- А сколько ему лет? - спросил Купер, все еще не в силах оправиться от потрясения. Это была самая скверная новость за весь день, который и без того нельзя было назвать удачным.

- Ему пятьдесят девять, и он довольно хорошо обеспечен. У него квартира в Лондоне и очень милый дом в Сан-Франциско. Но он продал его и купил для нас квартиру на Ноб-Хилл.

- В Сан-Франциско? - переспросил Купер. - Да ты там ноги протянешь от скуки. Или - того хуже - погибнешь во время землетрясения. Поверь, Лиз, тебе там не понравится! - У Купера даже голова закружилась. Кажется, Лиз и вправду его бросает... Но как он сумеет обойтись без нее? Кто будет вести его дела?!

- Может быть, ты и прав, - всхлипнула Лиз, не в силах сдержать слезы. - Но я подумала, что хотя бы разок мне необходимо побывать замужем, чтобы потом... в старости, я могла сказать себе: я ничем не хуже других. Ты... ты можешь звонить мне в любое время, когда захочешь.

- А кто будет организовывать мои встречи, следить за расписанием и разговаривать с агентом? Ведь не Палома же!..

- Твой агент сказал, что он сделает для тебя все, что в его силах. А Эйб будет следить за бухгалтерией и заниматься прочими финансовыми вопросами. Он сказал, что возьмет эту функцию целиком на себя. Так что мне фактически будет нечего делать.

Лиз немного лукавила, стараясь как-то успокоить Купа. На самом деле ее обязанности были гораздо шире. Так, например, она вела телефонные переговоры с многочисленными подружками Купа и сообщала его пресс-атташе свежую информацию о его частной жизни – по большей части о том, с кем Куп встречается в данный отрезок времени. Теперь Куп вынужден был разбираться с телефонными звонками сам, что было для него делом совершенно новым. Лиз понимала, что худо-бедно он с ним справится, и все равно у нее было такое чувство, будто она предала его.

– Ты действительно любишь этого парня или просто боишься остаться старой девой? – спросил напрямик Куп. Ему даже не приходило в голову, что Лиз все еще может хотеть выйти замуж. Она никогда не заговаривала с ним об этом, а он в свою очередь никогда не расспрашивал о ее личной жизни. Лишь изредка в разговоре с ним Лиз вскользь упоминала какое-то мужское имя, да и, по правде говоря, на свидания, встречи, ухаживания у нее практически не было времени. Она была настолько занята делами Купа, организовывая для него встречи и поездки, заказывая билеты, бронируя номера в отелях, оплачивая неотложные счета и договариваясь о продлении кредита, что ее встречи с мужчиной, за которого Лиз теперь собиралась замуж, можно было пересчитать по пальцам. Именно поэтому ее жених в конце концов не выдержал и поставил вопрос ребром: или – или. Сам он считал Купера Уинслоу самовлюбленным старым эгоистом и мечтал вырвать Лиз из его лап.

– Мне кажется – люблю. Его зовут Тед Фортинбрасс, он неплохой человек и очень добр ко мне. Он говорит, что хочет заботиться обо мне, к тому же у него две очаровательные дочери.

– Сколько им? Не могу представить тебя в роли матери семейства, пусть оно и досталось тебе готовеньким.

– О, они давно взрослые. – Лиз уже говорила ему об этом, но Куп по обыкновению пропустил ее слова мимо ушей. – Одной девятнадцать, а другой уже двадцать три. Они действительно мне нравятся, и, кажется, я тоже им понравилась. Их мать умерла, когда они были совсем крошками, и Теду пришлось самому их воспитывать. И знаешь, у него получилось! Его старшая дочь работает в Нью-Йорке, а младшая заканчивает подготовительные курсы при медицинском колледже в Стэнфорде.

– Не могу поверить! – простонал Куп. Он совершенно забыл и о том, что ему предстоит несколько месяцев жестокой экономии, и о том, что ему придется сдать внаем флигель и гостевое крыло, чтобы поправить свои дела. Все померкло перед перспективой потери Лиз.

– И когда ты выходишь замуж? Дата уже назначена?

– Ровно через две недели, как только закончу свои дела здесь, – ответила Лиз и снова расплакалась. Ей самой начинало казаться, что она совершает кошмарную ошибку.

– Может быть, ты хотела бы отпраздновать свадьбу здесь, в «Версале»? – неожиданно предложил Куп.

– Нет, мы решили собраться в доме друзей Теда в Напе, – сквозь слезы ответила Лиз.

– Это звучит ужасно! – совершенно искренне заметил Куп. – Значит, у тебя будет скромная по числу гостей свадьба? Сколько человек вы собираетесь пригласить?

– Немного. Будут только его дочери и еще две супружеские пары – друзья Теда. Если бы мы устраивали что-то более грандиозное, я бы непременно пригласила тебя, Куп.

Горькая правда заключалась в том, что Лиз было просто некогда продумать и организовать собственную свадьбу. Все ее свободное время уходило на заботы о Купе. А Тед не хотел больше ждать. Он знал, что, если они отложат свадьбу, Лиз никогда не уйдет от своего босса.

– И когда ты это решила?

Лиз слабо улыбнулась:

– Неделю назад.

Именно в прошлый уикенд Тед неожиданно приехал в Лос-Анджелес, чтобы заставить ее принять окончательное решение. И в конце концов, Лиз уступила.

Оказалось кстати и то обстоятельство, что как раз в это время Эйб решил уволить всю прислугу, и Лиз поняла, что другого удобного случая может не представиться. По сути дела, увольняясь, она делала Купу большое одолжение, так как платить ей он тоже не мог, однако Лиз понимала, что им обоим будет очень нелегко расстаться друг с другом. Куп был таким беспомощным, таким доверчивым, к тому же за прошедшие двадцать два года Лиз успела его избаловать. Она постоянно беспокоилась о нем, опекала, оберегала от неприятностей, насколько это было в ее силах. Она уже сейчас знала, что после переезда в Сан-Франциско еще долго будет не спать по ночам, будет думать о нем и тревожиться, как тревожится мать о своем ребенке. И в каком-то смысле Куп действительно заменил ей детей, которых у Лиз никогда не было и которых она перестала хотеть много лет назад.

Когда Лиз уходила, Куп все еще выглядел растерянным, так что ей пришлось в последний раз ответить на телефонный звонок. Звонила Памела, его теперешняя подружка. Ей было двадцать два года, и она была слишком молода даже по стандартам Купа, который принципиально не имел дела с женщинами старше тридцати. Памела была моделью, но мечтала сниматься в кино и стать знаменитой актрисой. Купер познакомился с ней на фотосессии, когда снимался для какого-то шикарного журнала. Редакционный совет нанял дюжину моделей, которые должны были с обожанием глядеть на Купа, а Памела оказалась из них самой красивой. Они встречались уже почти месяц, и девушка была совершенно очарована Купом, хотя он и годился ей в дедушки – по крайней мере, по возрасту. Сегодня Куп собирался вести Памелу в «Плющ», и Лиз напомнила ему заехать за девушкой в половине восьмого.

Потом Куп крепко обнял Лиз на прощание и наполовину в шутку, наполовину всерьез пригласил возвращаться к нему, как только ей надоест быть замужней дамой. В глубине души он надеялся, что очень скоро так и произойдет. Теряя Лиз, он как будто терял одновременно и очень близкого человека, и лучшего друга.

Садясь в машину, Лиз не сдержалась и расплакалась. Она искренне любила Теда, но не представляла себе жизни без Купера. За годы, что она проработала у него, Куп стал для нее всем: лучшим другом, братом, сыном, ее героем. Она почти обожествляла его, и ей потребовалась вся ее сила, все мужество и решимость, чтобы сначала согласиться на брак с Тедом, а потом еще и сообщить об этом Купу. Из-за этого Лиз целую неделю почти не спала, и все сегодняшнее утро – пока она ждала возвращения Купа – ее не покидало ощущение, что она

вот-вот потеряет сознание. Лиз была даже благодарна Эйбу, который немного отвлек ее от мрачных мыслей.

Лиз была так расстроена, что, выезжая из ворот особняка, едва не врезалась в двигавшийся по улице автомобиль. Только теперь она осознала, насколько сильно подействовало на нее расставание с Купом. Уйти от него было равнозначно тому, чтобы покинуть монастырь – или заново родиться на свет. Что ж, оставалось только надеяться, что она приняла правильное решение и никогда не пожалеет об этом.

Когда Лиз ушла, Куп вернулся в библиотеку, налил себе еще один бокал шампанского и сделал хороший глоток. Все еще держа бокал в руке, он медленно поднялся по лестнице на второй этаж и направился к своей спальне. В коридоре ему встретилась миниатюрная женщина в белой униформе горничной. Спереди на платье красовалось большое красное пятно – не то кетчуп, не то суп с помидорами. Черные волосы горничной были заплетены в длинную косу, достававшую почти до талии, глаза прятались за темными очками. Горничная пылесосила ковровую дорожку и что-то напевала себе под нос.

– Это ты – Палома? – с любопытством осведомился Куп. Он был совершенно уверен, что видит девушку в первый раз. Впрочем, он тут же подумал, что лучше бы он вообще ее не видел. На ногах горничной он увидел пушистые тапочки «под леопарда» и поморщился.

– Да, мистар Инслу? – В том, как она держалась, было что-то очень независимое и гордое. Горничная и не подумала снять очки; она лишь повернулась к нему, и Куп, не видя ее глаз, не мог понять, как она выглядит. Он даже не мог сказать, сколько ей лет; в конце концов он решил, что Паломе, скорее всего, далеко за тридцать.

– Моя фамилия произносится «Уинслоу», – поправил он. – Я вижу, с вами стряслась какая-то неприятность? – И Куп указал на пятно, которое имело такую форму, словно кто-то швырнул в Палому куском пиццы.

– У нас на обед быть эспагетти, мистар Инслу. Я уронить ложку на форма, а запасная у меня нет. Здесь нет.

– Вкусные, должно быть, были спагетти, – заметил Куп, обходя застывшую на дороге горничную. Он все еще думал о Лиз, но теперь к этим мыслям прибавились и другие заботы. Интересно, что будет с его вещами, если эта Палома возьмется за ними ухаживать? И с домом? Что будет с ним самим?

Куп тихо отворил дверь спальни, вошел и закрыл ее за собой. Палома, провожавшая его взглядом, шумно вздохнула и закатила глаза. Сегодня Куп впервые заговорил с ней, однако, если судить по тому немногому, что она о нем знала, он был человеком не особенно приятным. Паломе, во всяком случае, он ни капельки не нравился. Этот семидесятилетний самовлюбленный донжуан встречался с девушками, которые годились ему во внучки, и был эгоистом до мозга костей. Его обаяние совсем не трогало Палому, поэтому она считала, что и любовницы Купа ищут в нем только корысти. Нет, положительно он ей не нравился.

Придя к такому выводу, Палома еще раз вздохнула и продолжила пылесосить ковер. Как и Куп, она была не особенно рада тому обстоятельству, что после увольнения всей прислуги они останутся в доме практически вдвоем. Но делать было нечего; только ее не уволил этот старый морщинистый гусак – бухгалтер Купа, и Палома не собиралась с ним спорить. В Сан-Сальвадоре у нее осталось слишком много родственников, в том числе – больная мать, которых Паломе приходилось содержать, и поэтому деньги ей были очень нужны, даже если это означало, что ей придется обслуживать таких типов, как этот мистер Шишка-На-Ровном-Месте.

Глава 2

Марк Фридмен подписывал последние бумаги, которые подал ему риелтор, и чувствовал, как сердце его сжимается от боли. Дом, его дом, с которым он только что расстался, был в продаже каких-нибудь тринадцать дней – даже меньше, чем две недели. За него дали очень хорошую цену, но Марка это не радовало. Оглядывая голые стены и пустые комнаты, в которых он и его семья прожили десять счастливых лет, он снова переживал крушение всех надежд.

Сначала он хотел оставить дом за собой, но Дженнет велела ему продать его, как только она переедет в Нью-Йорк. Именно тогда Марк понял: что бы Дженнет

ни говорила, она уже никогда не вернется к нему. О том, что она от него уходит, Дженнет объявила всего за две недели до своего отъезда, а буквально вчера ее адвокат позвонил адвокату Марка, чтобы обсудить условия развода. За какой-то месяц вся его жизнь обратилась в прах, в ничто, и он остался один на обломках бывшего счастья. Даже обломков было всего ничего. Детей Дженнет забрала с собой, мебель Марк тоже отдал ей, и сейчас вещи были уже на пути в Нью-Йорк, а теперь у него не стало и дома. Сам Марк жил в отеле неподалеку от своего офиса и каждый раз, просыпаясь по утрам, жалел, что не умер во сне. В данной ситуации это было для него, наверное, самым лучшим выходом.

Марку недавно исполнилось сорок два, и он был высоким, подтянутым, светловолосым и голубоглазым мужчиной. Он всегда считал себя счастливым человеком; во всяком случае, Марк был убежден, что в семейной жизни у него все в порядке. Они с Дженнет были женаты уже шестнадцать лет, и за все это время между ними не возникало никаких трений, никаких разногласий, кроме самых пустячных, каких не избегает, наверное, ни одна супружеская пара. Познакомились они в Йеле и сразу после окончания университета поженились. Вскоре Дженнет забеременела и в первую годовщину их свадьбы родила Джессику, которой сейчас было уже пятнадцать. Два года спустя на свет появился Джейсон. Первые шесть лет семейной жизни они провели в Нью-Йорке, но десять лет назад руководство крупной юридической фирмы, в которой Марк был адвокатом по налоговому праву, направило его на работу в свой новый филиал в Лос-Анджелесе. Чтобы освоиться на новом месте, им всем понадобилось какое-то время, но в конце концов в Калифорнии им понравилось.

Дом в Беверли-Хиллз Марк купил еще до того, как Дженнет и дети переехали из Нью-Йорка. Для них это было самое подходящее жилище: просторное, с большим садом и бассейном. И вот теперь дом перешел в чужие руки. Пара, которая купила его, ожидала тройню и хотела переселиться на новое место как можно скорее, и Марк, в последний раз обходя пустые, словно осиротевшие комнаты, не мог не думать о том, что их жизнь только начинается, в то время как его жизнь теперь кончена, хотя ему до сих пор не верилось в то, что с ним произошло.

Всего месяц назад Марк был счастливым человеком, довольным своей жизнью. У него была красавица-жена, в которой он души не чаял, двое прекрасных детей, любимая работа, чудный, уютный дом. Денежных проблем перед ними никогда не стояло – Марк хорошо зарабатывал, к тому же и он, и Дженнет были из довольно состоятельных семей. Никаких неприятностей с ними никогда не случилось – насколько он мог припомнить, самым скверным, что омрачило их

безмятежное существование, была автомобильная авария, когда пьяный мотоциклист помял крыло новенького, только что купленного «Мерседеса», который он даже не успел застраховать. Безоблачное счастье длилось полных шестнадцать лет, и вот месяц назад все кончилось. Дженнет ушла; теперь его семья жила далеко от него, в Нью-Йорке, и Марка ожидала тревожащая его процедура развода.

Задумчиво коснувшись отставших обоев в коридоре, Марк заглянул в пустую столовую и снова подумал о счастливых годах, которые они провели вместе. С его точки зрения, их брак был настолько близок к идеалу, насколько это вообще возможно, и он не понимал, какой злой дух внезапно вселился в Дженнет. Ведь и сама она признавала, что была счастлива с ним. Была... Что же с ней случилось?

– Я не знаю, что со мной... – чуть не плача, сказала Дженнет сразу после того, как объявила ему о своем уходе. – Может быть, мне просто было скучно... Мне иногда кажется, что я совершила ошибку, когда не вернулась на работу после рождения Джейсона. Если бы я занималась делом, вместо того чтобы торчать дома, тогда, быть может, все было бы иначе...

Но это объяснение не удовлетворило Марка. Он все равно не мог понять, почему Дженнет променяла его на другого мужчину. Когда она сказала, что любит врача из Нью-Йорка, он сразу подумал, чем врач лучше адвоката по налогам, – и не нашел ответа.

Как узнал Марк, все началось полтора года назад, когда тяжело заболела мать Дженнет. Сердечный приступ, опоясывающий лишай и в конце концов инсульт... Семь месяцев, пока Дженнет ездила из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк и обратно, казались ему бесконечными. Между тем мать Дженнет переходила из одного медицинского учреждения в другое, но состояние ее только ухудшалось. В довершение всего у отца Дженнет начало развиваться старческое слабоумие, и он тоже требовал заботы. В первый раз Дженнет провела в Нью-Йорке полтора месяца, и Марку пришлось взять на себя все заботы о детях. Но он не жаловался, во-первых, потому, что любил Джейсона и Джессику, а во-вторых, потому, что Дженнет звонила ему из Нью-Йорка по три-четыре раза на дню. Конечно, тогда он ничего не подозревал, да и любовь Дженнет вспыхнула не сразу. Как она объяснила, сначала она пыталась сопротивляться чувству, которое вызвал в ее сердце Эдам Джойс, лечащий врач матери. Он был отличным парнем, сказала Дженнет, прекрасно относился к матери, был добр к ней и подбадривал обеих. Однажды вышло так, что они вместе поужинали; тогда-то все и началось.

Дженнет была влюблена в Эдама уже год, и, как она сама признавалась, для нее это было сущим мучением. Ее сердце буквально разрывалось на части. Сначала Дженнет казалось, что это простое увлечение, которое быстро пройдет, но оно не проходило. Она уверяла Марка, что несколько раз пыталась порвать с Эдамом, но ничего не выходило. С каждым часом, проведенным вместе, они все больше привязывались друг к другу. Это было как наваждение, от которого невозможно избавиться. Один раз у Дженнет вырвалось, что Эдам действовал на нее как наркотик, но когда Марк предложил ей сходить вместе к психотерапевту или в специальную семейную консультацию для супружеских пар, она отказалась. Тогда, месяц назад, она уже все решила, но ни слова не сказала Марку, щадя его. Дженнет только попросила отпустить ее в Нью-Йорк; по ее словам, она хотела попробовать и посмотреть, что у них с Эдамом выйдет. Но для того чтобы ей ничто не мешало, она хотела хотя бы на время быть свободной от брачных обязательств, и они договорились расстаться. Но как только Дженнет переехала в Нью-Йорк, она потребовала развода. Она также просила его продать дом и отдать ей половину денег, чтобы купить приличную квартиру в Нью-Йорке для себя и детей. И для Эдама, мысленно закончил за нее Марк, хотя о нем не было сказано ни слова.

Размышляя обо всем этом, он незаметно для себя оказался в их бывшей спальне и теперь стоял неподвижно, в упор глядя на то место, где стояла когда-то их кровать, и не видя ничего. Еще никогда в жизни Марк не чувствовал себя таким одиноким и потерянным. Все, во что он верил, на что надеялся и о чем мечтал, перестало существовать. И хуже всего было сознание того, что он ничем не заслужил подобного несчастья. Во всяком случае, как Марк ни старался, он не мог припомнить за собой никакой вины. Быть может, он слишком много работал и не слишком часто водил Дженнет ужинать в ресторан, но им было хорошо и дома, к тому же она никогда не жаловалась, не упрекала его в том, что он уделяет ей мало внимания.

День, когда Дженнет сказала, что уходит от него, стал для Марка худшим в его жизни. Он знал, что будет помнить его еще очень долго, как и день, когда они сказали детям, что решили расстаться. Джейсон и Джессика были уже достаточно взрослыми и желали знать, будут ли родители разводиться, и Марк честно сказал, что не знает. Только сейчас он понял, что Дженнет уже тогда все решила, все обдумала. Просто тогда она не хотела ничего говорить ни ему, ни детям.

Как и следовало ожидать, новость вызвала бурные слезы. Неожиданным для Марка было то, что сначала Джессика, а за ней и Джейсон обвинили во всем его. Для них происходящее было еще более бессмысленным, чем для него. В свои пятнадцать и тринадцать дети просто не могли постичь, почему папа и мама хотят разойтись. Сам Марк понимал, почему Дженнет уходит от него; другое дело, заслуживал он этого или нет. Но для Джессики и Джейсона это была тайна за семью печатями. Они ни разу не видели, чтобы их родители ссорились или хотя бы спорили, и они действительно жили в полном согласии. Даже когда им не удавалось договориться насчет того, какие игрушки повесить на елку под Рождество, они сохраняли доброжелательный тон и никогда не повышали друг на друга голос. Дженнет не отличалась ни злопамятностью, ни повышенной раздражительностью, а Марк от природы был добрым, покладистым человеком, и жить с ним было легко и просто.

Возможно, дело как раз в этом, вдруг подумал Марк. Быть может, Дженнет было слишком скучно – скучно именно с ним. Возможно, по сравнению с Эдамом он казался ей занудой. Нью-йоркский эскулап был старше Марка на шесть лет, но, если верить Дженнет, вел значительно более интересную жизнь. В Нью-Йорке у него была обширная практика, он постоянно встречался с самыми знаменитыми людьми, плавал на собственной яхте, которая стояла в частном доке на Лонг-Айленде, к тому же в прошлом он шесть лет работал в Корпусе мира и объездил почти весь свет. У него было много друзей, которые постоянно затевали праздники, пикники, розыгрыши, походы, и это разнообразие не могло не ошеломить Дженнет. Кроме того, Эдам – по словам Дженнет – очень любил детей. Он уже был женат, но его жена не могла иметь детей, а брать ребенка из приюта они не хотели. В конце концов они развелись, и теперь Эдам был без ума от Джессики и Джейсона. Больше того: он мечтал завести с Дженнет и собственных детей, но об этом ни Марку, ни детям Дженнет не сказала ни слова. Джессика и Джейсон вообще не знали о том, что у матери есть друг. Дженнет собиралась познакомить их с Эдамом, когда они немного обживутся в Нью-Йорке, но Марк подозревал, что она просто хочет скрыть от детей подлинную причину их разрыва.

По сравнению с Эдамом Джойсом Марк действительно был куда как скучнее, и он сам это понимал. Он любил свою работу, с удовольствием занимался планировкой налоговых платежей и поиском оптимальных способов их уменьшения, но это были не те темы, которые можно было обсуждать с Дженнет. В свое время она хотела заниматься уголовным правом или защитой прав детей, и налоговое законодательство было для нее предметом довольно скучным. Несколько раз в месяц они играли в теннис, изредка бывали в кино,

гуляли с детьми в парке, обедали с друзьями и знакомыми, и, пока на горизонте не появился Эдам, такая жизнь вполне устраивала обоих.

Но теперь все изменилось. И моральные терзания, которые Марк теперь испытывал, причиняли ему почти физическую боль. Марку казалось, что кто-то напихал ему под кожу битого стекла, которое при каждом движении врезается в мышцы и сухожилия. По совету своего врача, которого Марк попросил выписать самое сильное снотворное, он даже начал ходить к психологу, однако пять сеансов психотерапии нисколько ему не помогли, и он по-прежнему мог уснуть, только приняв горсть успокаивающих таблеток. Жизнь превратилась в самый настоящий ад. Марк тосковал по Дженнет, по детям, по прошлому, которое – он знал – никогда не вернется. И продажа дома только обострила его чувства. Теперь ничто больше не связывало Марка с тем, что когда-то было ему дорого.

– Вы закончили, Марк? – негромко спросил риелтор, заглядывая в спальню.

– Да, конечно, – отозвался он, медленно приходя в себя. В последний раз окинув взглядом комнату, Марк качнул головой, словно прощаясь с прошлым, и быстро вышел из дома. Риелтор запер двери и опустил ключи в карман. Деньги за дом поступили на счет Марка еще утром, и он уже дал распоряжение банку, чтобы половина была переведена Дженнет в Нью-Йорк. Оставшаяся сумма была достаточно велика, но Марка это не радовало. Его вообще больше ничего не радовало.

– Не хотите ли, чтобы я подыскал вам что-нибудь? – с надеждой спросил риелтор. – У нас в агентстве есть несколько очень милых домиков, есть один симпатичный особнячок в Хэнкок-парке. Если желаете квартиру, то и здесь у нас отличный выбор. – Для торговцев недвижимостью февраль всегда был одним из лучших месяцев в году. Полоса праздников была позади, до весны было рукой подать, и на рынке появлялись просто превосходные варианты. Правда, и стоили они недешево, но риелтор знал, что с деньгами, которые Марк получил от продажи дома, он может позволить себе приобрести довольно приличное жилье. Кроме того, у него была хорошо оплачиваемая работа, так что деньги не были для него проблемой. Чего, впрочем, нельзя было сказать обо всем остальном.

– Мне неплохо и в отеле, – отозвался Марк тусклым голосом и, еще раз поблагодарив риелтора, сел в свой «Мерседес». Агент провел сделку профессионально быстро, и Марк почти жалел, что никакие обстоятельства не помешали продать дом в столь короткий срок. Он не чувствовал себя готовым к

тому, чтобы начинать жить заново, с чистого листа. Каждый шаг, каждое активное действие давались ему с невероятным трудом. Лучше стоять на месте, чем двигаться вперед, разрывая последнюю связь с прошлым, – примерно так рассуждал Марк, и внезапно ему пришло в голову, что на эту тему ему стоит поговорить со своим новым психотерапевтом. Это был его хлеб, к тому же психотерапевт казался Марку славным парнем, однако он не был уверен, что дополнительные сеансы ему помогут. Быть может, проблему бессонницы в конце концов удастся решить, но как быть с остальным? Ведь о чем бы они ни разговаривали во время сеансов (он – лежа на кушетке, врач – за столом, спиной к нему), ему не вернуть Дженнет и детей, а без них сама жизнь теряла для Марка всякую ценность. Впрочем, жизнь была ему не нужна. Ему нужна была семья, но теперь Дженнет принадлежала другому, и Марк со страхом думал о том, что и детям Эдам может понравиться и они постепенно забудут его.

И эта мысль пугала его больше всего.

От своего бывшего дома Марк, не заезжая в отель, поехал прямо на работу. В час пополудни он уже продиктовал несколько писем и просмотрел несколько текущих отчетов. На обед он не пошел. Всякий аппетит у него давно пропал, и за последний месяц он потерял почти десять фунтов веса. Костюмы болтались на нем, как на вешалке, но Марк почти не обращал на это внимания. Все его силы уходили на то, чтобы сосредоточиться на работе и не думать ни о чем другом.

Думал он по ночам. Стоило ему оказаться в своем номере в отеле, как все происшедшее наваливалось на него снова, и Марк словно наяву слышал жестокие слова Дженнет, вспоминал слезы детей. Он звонил им в Нью-Йорк почти каждый день и обещал приехать к ним через пару недель. На пасхальные каникулы Марк собирался съездить с детьми на Карибы; кроме того, ему хотелось, чтобы на лето они приехали к нему в Лос-Анджелес, но теперь им негде было бы жить. И думать об этом ему тоже было горько и страшно.

Вечером того же дня – на рабочем совещании – Марк столкнулся с Эйбом Бронстайном. Увидев своего старого друга, бухгалтер был потрясен. У Марка был такой вид, словно он болен какой-то неизлечимой болезнью, которая к тому же быстро прогрессирует. Обычно он выглядел даже несколько моложе своих лет и отличался атлетическим телосложением, но сейчас на него нельзя было смотреть без жалости. Вместо привлекательного, жизнерадостного мужчины Эйб видел перед собой живой труп.

– С тобой все в порядке? – участливо спросил Эйб, когда совещание закончилось.

– Думаю, да. Во всяком случае, я здоров, – ответил Марк, но его голос звучал глухо, лицо было землисто-серым, а под глазами набухли мешки, как будто он много пил. Это было настолько не похоже на него, что Эйб встревожился еще больше.

– Я было подумал, что ты болен, – сказал он, продолжая внимательно разглядывать Марка. – Похудел, осунулся... Много работаешь?

– Да нет, как обычно, – сухо ответил Марк и тут же выбрал себя за черствость. Несомненно, беспокойство Эйба было совершенно искренним, к тому же ему единственному (если не считать психоаналитика) Марк мог бы рассказать о своем несчастье. На то, чтобы разговаривать об уходе Дженнет с кем-то еще, ему просто не хватало душевных сил. Помимо всего прочего, это было просто унижительно, к тому же Марк боялся, что кто-то может подумать – он скверно обращался со своей женой и вынудил ее порвать с ним. Вместе с тем ему хотелось выговориться, и он буквально разрывался между желанием поплакаться кому-то в жилетку и стремлением скрыть происшедшее во что бы то ни стало.

– Дженнет уехала, – сказал Марк, когда они с Эйбом выходили из зала заседаний. Половину того, что говорилось на совещании, он попросту не слышал, и это тоже не укрылось от внимания старого бухгалтера. Со стороны казалось, будто тело Марка существует само по себе, в то время как душа витает где-то в другом месте, и так оно и было в действительности. Тем не менее Эйб понял его не сразу.

– Куда? В путешествие? – озадаченно переспросил он.

– Нет. Насовсем, – ответил Марк мрачно. Привычная боль тотчас полоснула по сердцу, и вместе с тем выговориться было ему просто необходимо. – Мы расстались две недели назад, – продолжал он. – Дженнет уехала с детьми в Нью-Йорк, а я только что продал наш дом. Теперь она требует развода.

– Вот это новость! – изумился Эйб. – Слушай, старина, мне очень жаль! – Ему и в самом деле было жаль Марка – бедняга выглядел совершенно раздавленным. Но Эйб успокоил себя тем, что Марк еще молод, его жизнь на этом не кончается,

пройдет время, боль утихнет... У него еще может быть и семья, и дети. – Я тебе сочувствую, – добавил он искренне. – Я просто не знал... – Эйб действительно ничего не слышал, хотя у него было очень много дел с фирмой, в которой работал Марк. Впрочем, при встречах они обычно разговаривали о своих клиентах, о налоговом законодательстве и других деловых вопросах, а отнюдь не о личных делах.

– Я никому не говорил... – Марк покачал головой. – И ты не говори. Я... не хочу...

Эйб с пониманием кивнул.

– Где же ты теперь живешь?

– В отеле неподалеку. – Марк назвал улицу. – Вполне сносный отель, но если честно – мне все равно.

Эйб сочувственно покивал.

– Может, пообедаем вместе? – предложил он. Эйб собирался домой – посмотреть матч «Доджерс» против «Ред Сокс», но у Марка был такой вид, что он может вот-вот рухнуть от истощения. Кроме еды, ему, несомненно, нужна была и дружеская поддержка. Марк и сам это понимал, но идти куда-то ему не хотелось. Закрыв вопрос с домом, он почувствовал себя еще хуже – гораздо хуже, чем ожидал. Подписывая акт передачи, Марк чувствовал себя так, словно перед ним его смертный приговор. И в каком-то смысле так оно и было.

– Нет, спасибо. – Марк выдавил из себя улыбку. – Может быть, в следующий раз.

– Я тебе позвоню. До встречи. – Эйб потрепал друга по плечу и ушел. Он не знал, кто виноват в разводе, но ему было очевидно, что Марк потрясен, разбит, уничтожен. Не было никаких сомнений, что у него нет ни любовницы, ни подружки. Должно быть, у Дженнет появился кто-нибудь, решил Эйб. Жена Марка была очень хороша собой, все мужчины на нее заглядывались, но он не помнил, чтобы она с кем-то кокетничала. Дженнет и Марк выглядели идеальной американской парой – оба высокие, светловолосые, загорелые, голубоглазые; такими же голубоглазыми и здоровыми выглядели и их дети. Тот, кто знал Фридменов недостаточно хорошо или не знал совсем, могли решить, что они родом откуда-то со Среднего Запада, но это было не так. Марк и Дженнет

выросли в Нью-Йорке и жили в нескольких кварталах друг от друга, но познакомились только в Йельской школе права[2 - Йельская школа права - одно из лучших высших учебных заведений в США.], куда поступили она - после Вассара, он - после Брауна[3 - Вассарский колледж и университет Брауна - престижные высшие учебные заведения в США.]. Эйбу их брак всегда казался очень крепким, но, как видно, он ошибался.

Марк задержался на работе до восьми часов, бесцельно перебирая бумаги на столе, и только потом поехал в отель. По дороге он собирался перехватить в кафе пару сэндвичей, но есть ему по-прежнему не хотелось, и Марк ограничился тем, что выпил чашку скверного кофе. Он обещал своему лечащему врачу и психотерапевту, что будет питаться нормально, и сейчас вспомнил об этом обещании. Завтра он попытается проглотить хотя бы что-нибудь, но не сейчас. Сейчас ему хотелось только одного: лечь в постель и включить телевизор. Может быть, ему даже удастся заснуть.

Когда он поднялся в номер, в гостиной надрывался телефон. Звонила Джессика. У нее в школе был хороший день - она получила высший балл за устный опрос, но в целом нью-йоркская школа ей не нравилась. Что касалось Джейсона, то он возненавидел новую школу лютой ненавистью с самого первого дня. Разговаривая с дочерью, Марк сразу вспомнил об этом и с тревогой подумал, что его детям никак не удастся приспособиться к новому окружению, хотя для этого, казалось, были все условия. Джейсона, к примеру, сразу же включили в школьную команду по футболу, а Джессику - в сборную округа по хоккею на траве, однако оба продолжали в один голос утверждать, что «в Нью-Йорке все сплошь дегенераты и подонки». Кроме всего прочего, Джессика, не зная истинных причин развода родителей, продолжала дуться на Марка.

Он не стал говорить дочери, что продал их дом. Марк пообещал, что постарается приехать в Нью-Йорк в ближайшем будущем, и передал привет Дженнет и Джейсону. Положив трубку, он так и остался сидеть на кровати в костюме и галстук и лишь тупо смотрел на экран телевизора. Передавали какое-то развлекательное шоу, но Марк ничего не видел. Слезы медленно катились по его лицу, а сердце сжималось от тоски и обиды.

Джимми О'Коннор был высоким, мускулистым, крепким молодым мужчиной с мощной грудью и налитыми бицепсами. Он до сих пор отлично играл в теннис и гольф, а в студенческие годы (учился Джимми в Гарварде) был членом сборной университета по хоккею с шайбой. После аспирантуры Джимми защитил диссертацию на звание магистра психологии при Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, одновременно работая на добровольных началах в Уоттсе – самом криминогенном районе города. Год назад он вернулся на работу в социальную службу, чтобы подготовить материалы для докторской диссертации по социологии, да так там и остался. К тридцати трем годам у него было практически все, что только может пожелать человек: жена, друзья, интересная и перспективная работа, и все же он продолжал выкраивать время для спорта, организовав футбольную и софтбольную команды для детей, с которыми работал.

Его обязанности социального работника заключались в том, что он помещал сирот в приюты, работал с родителями, которые избивали своих детей, насиловали, морили голодом. Зачастую это означало, что Джимми забирал подвергшихся жестокому обращению детей в тот же приют или договаривался с их родственниками, а материалы на родителей передавал в суд.

Работа его была небезопасной и требовала полной самоотдачи, даже самоотречения. Однажды в него в упор стрелял из дробовика отец мальчика, которого Джимми должен был по решению суда передать органам опеки, но, к счастью, патрон дал осечку. Не раз Джимми доставлял в приемные отделения больниц детей с переломами, ушибами, ожогами и ножевыми ранениями, а иногда даже приводил их к себе домой, пока социальная служба подыскивала для малыша подходящий приют. Коллеги говорили, что у него сердце из чистого золота, но Джимми только отшучивался, утверждая, что только круглый идиот или самоубийца может ходить по улицам Уоттса, имея при себе золотые вещи.

Внешне Джимми был типичным ирландцем-брюнетом. У него были иссиня-черные волосы, светлая кожа, большие темно-карие глаза и чувственный рот. Его улыбка буквально сбивала женщин с ног, и однажды жертвой этой улыбки пала Маргарет Монэгэн.

Они оба были из Бостона. Джимми и Маргарет вместе учились в Гарварде, вместе приехали на Западное побережье после окончания университета. Сойдясь еще на первом курсе, они поженились всего шесть лет назад, причем главной причиной, почему они официально оформили свой союз, было желание

доказать родителям, что они давно взрослые, самостоятельные люди. До свадьбы (собственно говоря, никакой свадьбы не было, они просто отправились однажды в мэрию и зарегистрировались) оба утверждали, что брак – это пережиток прошлого и что им он совсем не нужен, однако впоследствии и Джимми, и Маргарет не раз признавались друг другу, что им очень нравится быть мужем и женой.

Маргарет была на год моложе Джимми, но он был твердо убежден, что женщины умнее ему еще никогда не приходилось встречать. Другой такой, как она, не было в целом свете. Маргарет тоже была магистром философии и всерьез задумывалась о докторской степени. Как и Джимми, она работала с детьми самых бедных районов Лос-Анджелеса и не раз говорила, что хотела бы усыновить не меньше дюжины малышей-сирот, вместо того чтобы заводить собственных. В ответ Джимми только смеялся, не зная, что сказать; он был единственным сыном своих родителей, в то время как Маргарет была старшим ребенком в семье, где, кроме нее, было еще восемь детей. Ее отец и мать жили в Бостоне, но родились они в Ирландии, в графстве Корк, и до сих пор говорили с грубым ирландским акцентом, который Маргарет мастерски копировала. Предки Джимми перебрались из Ирландии в Штаты четыре поколения назад; он приходился дальним родственником семейству Кеннеди, и Маргарет, узнав об этом, безжалостно и изобретательно дразнила мужа, называя его не иначе как «Мистер Кеннеди Самый Младший», «Джимми-Джон» и «Джон Кеннеди Двадцать Восьмая Вода на Киселе». Впрочем, о его родстве с могущественным политическим кланом она никому не рассказывала – ей просто нравилось, как она выражалась, «таскать тигра за хвост».

Предметами шуток Маргарет было не только это действительно весьма отдаленное родство с Кеннеди. Она готова была шутить и смеяться над чем угодно и над кем угодно, и Джимми это очень нравилось. Остроумная, насмешливая, очаровательная, дерзкая до непочтительности, отважная, с огненно-рыжими волосами, зелеными глазами и миллионом веснушек, Маргарет была женщиной его мечты и его единственной любовью. В ней не было ровным счетом ничего, что бы ему не нравилось, за исключением, быть может, одного: Маргарет терпеть не могла готовить и не желала этому учиться. Джимми с самого начала пришлось взять на себя приготовление завтраков, обедов и ужинов, и со временем он стал вполне приличным поваром, чем втайне гордился.

Он как раз укладывал в коробки кастрюли, сковородки и прочую кухонную утварь, когда звякнул дверной звонок и в квартиру зашел управляющий домом. С самого порога он подал голос, чтобы Джимми знал, кто пришел. Управляющему нужно было показать квартиру, и они заранее договорились, что Джимми оставит дверь открытой.

Их с Маргарет квартира располагалась в доме на Венис-Бич неподалеку от океанского побережья и была маленькой, но очень уютной; Маргарет к тому же нравился район. Венис-Бич был тихим, почти курортным местечком, где все ездили на роликах даже по делам и было рукой подать до пляжа. Но жить здесь дальше Джимми больше не мог. О том, что квартира освобождается, он известил управляющего неделю назад. Съехать он собирался в конце месяца. Куда?.. Этого Джимми пока не знал. Куда-нибудь, лишь бы не оставаться здесь.

Управляющий привел с собой молодую пару – юношу и девушку, которые сказали, что собираются пожениться. На обоих были джинсы, одинаковые футболки и сандалии. Джимми они показались совсем юными. Им было по двадцать с небольшим, они только что окончили колледж и приехали на Западное побережье со Среднего Запада. В Лос-Анджелесе им очень нравилось, а квартира привела их в полный восторг. Они только и говорили о том, какой замечательный район Венис-Бич и как славно они заживут в новом доме.

Управляющий представил молодых людей Джимми. Он молча пожал протянутые руки и снова стал паковать вещи, предоставив им осматривать квартиру самостоятельно. Она была совсем небольшой, но в очень хорошем состоянии. Небольшая солнечная гостиная, спальня, где едва умещалась двуспальная кровать, ванная комната, в которую с трудом могли втиснуться двое, и кухня – вот, собственно, и все. Но Джимми и Маргарет этого было достаточно. «Есть где лежать и где сидеть, – говорила она, – а на роликах можно покататься и на улице». Была и еще одна причина, по которой они довольствовались столь скромным жилищем. Половину квартирной платы – довольно солидной для такой маленькой площади – Маргарет вносила из собственных весьма скудных средств. На что-то большее у нее просто не было денег, и как ни убеждал ее Джимми, что он может позволить себе платить и за нее, Маргарет не соглашалась. Для нее это был вопрос принципа. С самого начала совместной жизни они уговорились, что станут делить все расходы пополам, и Маргарет ни разу не отступила от этого правила.

«Я не желаю быть содержанкой, Джимми О'Коннор!» – не раз заявляла она, старательно копируя провинциальный ирландский акцент собственных родителей, и ее огненно-рыжие кудряшки воинственно подпрыгивали. Джимми обожал ее волосы, он страстно хотел иметь от нее детей, чтобы его всегда окружали такие же огненно-рыжие головы, как у Маргарет. В последние полгода они уже вполне серьезно задумывались о том, чтобы действительно завести малыша, но Маргарет все никак не могла решить, чего же ей больше хочется – усыновить несколько сирот, чтобы дать им шанс в жизни, или завести собственного ребенка.

«Как насчет шесть на шесть? – бывало поддразнивал ее Джимми. – Шестеро наших, шестеро приемных?»

Впрочем, он шутил лишь наполовину, и, поняв это, Маргарет однажды совершенно серьезно заявила ему, что она, так уж и быть, позволит ему содержать дюжину малышей, раз она сама не может себе этого позволить. Финансовый вопрос был действительно болезненным для нее, однако довольно часто они вместе мечтали о пяти или даже шести малышах.

– У вас газовая плита? – с улыбкой спросила девушка, заглядывая в кухню. Она была довольно мила, и Джимми кивнул, боясь показаться грубым. – Это отлично! Обожаю готовить!

Джимми мог бы ответить, что тоже любит готовить, но снова промолчал, не желая вступать с новыми жильцами в праздный разговор. Он продолжал молча укладывать посуду в картонные коробки, и через пять минут хлопок входной двери подсказал ему, что все ушли. Еще какое-то время с лестничной площадки доносились приглушенные голоса, потом стихли и они, и Джимми невольно задумался, снимет эта парочка квартиру или нет. Впрочем, особого значения это не имело. Рано или поздно жильцы найдутся. Район действительно был хороший, дом содержался очень прилично, а из окон открывался великолепный вид на пляж. На том, чтобы из окон было видно океан, настояла Маргарет, хотя из-за этого квартира и стоила чуть не вдвое дороже. Нет никакого смысла жить в Венис-Бич, чтобы видеть из окон чужие задворки, сказала она и подмигнула.

Маргарет вообще частенько использовала ирландское просторечие, которым владела в совершенстве. И ничего удивительного в этом не было – она выросла среди людей, которые говорили именно на этом языке, и нормальный литературный английский ей пришлось осваивать самостоятельно – сначала в

школе, потом в колледже. Что касалось Джимми, то ему это только нравилось. Порой в ресторане они вечер напролет дурачились, разыгрывая коренных ирландцев и вводя в заблуждение посетителей и официантов. Это было тем более легко, что Маргарет владела и гэльским. Кроме того, она сносно говорила по-французски и мечтала выучить китайский, чтобы работать с детьми иммигрантов в лос-анджелесском Чайна-тауне. Когда Джимми спрашивал, зачем ей понадобилось еще и разговаривать по-китайски с маленькими китайчатами, Маргарет отвечала, что они тоже люди и нуждаются в добром слове, сказанном на родном языке, ничуть не меньше, чем в социальном пособии.

Между тем в подъезде двое новых жильцов и управляющий говорили о Джимми. Молодые люди уже решили, что снимут эту квартиру, но им было любопытно, отчего старый жилец решил съехать.

– Он какой-то мрачный, – заметила девушка. – Может, он болен?..

– Вовсе нет, – ответил управляющий. Джимми и Маргарет всегда ему нравились, к тому же он опасался, что новые жильцы откажутся от квартиры, боясь заразиться. – Просто у него случилось несчастье. – Он немного помялся, не зная, должен ли он сказать этим людям правду, но потом решил, что они все равно все узнают от соседей. Весь дом любил О'Конноров и жалел, что Джимми уезжает, но управляющему казалось – он его понимает. На его месте он, наверное, поступил бы так же.

– Так что же случилось? – снова спросила девушка. – Мистер О'Коннор даже не стал разговаривать с нами. Я подумала – он сделал что-то нехорошее, и вы его выселили.

– Вовсе нет! – возмутился управляющий. – У Джимми... семейные неприятности. Его жена...

– Неужели они разошлись?! – перебила девушка, не скрывая своего облегчения. Джимми произвел на нее не самое приятное впечатление, и теперь она была рада, что ошиблась.

– Нет. – Управляющий покачал головой. – Она умерла месяц тому назад от опухоли мозга. Мы все были просто в шоке. У нее начались сильные головные боли, но сначала все думали, что это просто мигрень. Три месяца назад

Маргарет наконец положили в больницу и провели компьютерную томографию и другие исследования, и сразу обнаружили опухоль в мозгу. Врачи хотели оперировать ее, но опухоль была уже слишком большой и затронула практически весь мозг. Два месяца назад Маргарет умерла, и, сказать по совести, я думал, что Джимми умрет тоже. Ни разу в жизни не видел, чтобы люди так любили друг друга. Они почти не разлучались и постоянно смеялись, шутили и подначивали друг друга. И вот на прошлой неделе Джимми сказал, что хотел бы съехать. Жаль, он такой славный парень, но Джимми говорит – ему слишком тяжело оставаться здесь. – В глазах управляющего заблестели слезы, и молодые люди переглянулись.

– Какой ужас! – воскликнула девушка. Она, конечно, заметила в квартире множество фотографий Джимми и красивой рыжеволосой женщины. Даже на снимках было видно, как сильно они любят друг друга и как они счастливы вместе.

– Должно быть, – вставил молодой человек, – мистеру О'Коннору нелегко пришлось. Для него это страшная потеря.

Управляющий кивнул:

– Да, разумеется, хотя должен вам сказать, Маргарет держалась очень мужественно. Чуть не до самого последнего дня они гуляли утром и вечером, Джимми для нее готовил, сидел с ней по ночам, а однажды вынес на руках на берег. Он очень любил Маргарет, и я боюсь, что ему понадобится очень, очень много времени, чтобы смириться со своей потерей. Если, конечно, это вообще возможно.

И управляющий, известный среди жильцов некоторой грубоватостью манер и отсутствием сентиментальности, вытер скатившуюся на щеку слезу и поспешно вышел из подъезда на улицу. Молодые люди последовали за ним. Попрощавшись, они сели в машину и вернулись к себе в отель и до самого вечера вспоминали об этой истории. На следующий день они позвонили сказать, что берут квартиру, и управляющий, поднявшись к квартире Джимми, подsunул под дверь уведомление о том, что через три недели он обязан освободить квартиру.

Глядя на этот листок, Джимми не верил своим глазам. Это было то, чего он хотел; больше того – он знал, что должен уехать, чтобы не сойти с ума, однако только сейчас ему пришло в голову, что ехать-то ему и некуда. А самое странное заключалось в том, что это его абсолютно не волновало. Если бы было можно, он бы спал прямо на улице – в палатке или спальном мешке. Может быть, неожиданно подумал Джимми, именно так люди и становятся бездомными. Они теряют дорогих, любимых людей, и им становится все равно, где жить и как. И жить ли вообще. Когда Маргарет умерла, Джимми был опасно близок к тому, чтобы покончить с собой. Он был готов просто войти в океан и идти, идти, идти, пока соленая вода не хлынет в легкие, гася сознание и стирая воспоминания. В тот день, когда Маргарет не стало, он просидел на берегу несколько часов, глядя на набегающие волны, и сухо, по-деловому размышлял о том, как ему следует действовать, чтобы добиться желаемого быстро и наверняка. И когда он уже собрался встать с нагретого солнцем ракушечника и сделать первый шаг, он вдруг словно наяву услышал голос Маргарет.

Ошибиться Джимми не мог – ее голос был таким родным! Он ясно различал даже ирландский акцент. Маргарет была в ярости. Она называла его бабой, тряпкой, паршивым слизняком и другими словами. «Не смей! – сказала она ему. – Иначе мы не увидимся даже там, где теперь обретаюсь я».

Лишь поздним вечером Джимми вернулся домой. Всю ночь он просидел на диване в их маленькой гостиной, неотрывно глядя в окно. Джимми почти не плакал, но когда на следующий день он по привычке взглянул в зеркало, то не узнал себя. Он не поседел, но лицо его осунулось и почернело, а глаза были тусклыми, словно из них ушла вся жизнь, ушла душа.

Вечером второго дня из Бостона прилетели его и ее родные, и началась подготовка к похоронам. Маргарет несколько раз говорила Джимми, что хотела бы остаться с ним в Калифорнии, да и сам он хотел того же, поэтому о том, чтобы везти тело в Бостон, не могло быть и речи.

Потом родственники разъехались по домам, и Джимми снова остался один. Конечно, родители, братья и сестры Маргарет были убиты горем, но вряд ли кому из них было так плохо, как Джимми. Никто из них даже не представлял, как много Маргарет для него значила и что он потерял. Вся его жизнь была заполнена ею одной, и Джимми был совершенно уверен, что никогда не сможет любить другую женщину так, как он любил Маргарет. Быть может, он и вовсе окажется не способен полюбить. Сама мысль о том, что в его жизни может

появиться другая женщина, казалась ему безумной. Разве может кто-нибудь хотя бы сравниться с Маргарет?! У кого отыщутся такие же страсть и огонь, жизнелюбие и юмор? Маргарет была самой мужественной женщиной из всех, кого Джимми когда-либо знал. Она не боялась умирать – смерть она приняла легко, как принимала все, что посылала им судьба. Это он едва владел собой и умолял бога пощадить ее, это он рыдал, не зная, куда деваться от отчаяния и ужаса, а она подбадривала и утешала его, хотя уже лежала на смертном одре. Нет, другой такой, как она, просто не может быть, думал Джимми. Сама мысль о том, что Маргарет уйдет, а он будет жить дальше, казалась ему невыносимой.

Но, вопреки собственным ожиданиям, Джимми не умер. Во всяком случае, его физическая оболочка продолжала существовать, хотя все внутри его было опалено горем. Исполнился уже месяц с тех пор, как Маргарет не стало, а он никак не мог решить, что ему делать со своей жизнью. Все эти недели, дни, часы он жил по привычке, машинально, не ожидая от будущего ничего отрадного или светлого и думая лишь о днях прошедших и невозвратимых.

Через неделю после смерти Маргарет Джимми вернулся на работу, потому что пребывание в четырех стенах стало для него невыносимым, но большого облегчения ему это не принесло. Коллеги обращались с ним как с треснувшей вазой, и их сочувствие чаще приносило ему новую боль. Да и сама работа не особенно ладилась, хотя Джимми и старался изо всех сил, понимая, что дети нисколько не виноваты в его несчастье. Но он ничего не мог с собой поделать. Радость, энтузиазм, увлеченность – все ушло. Вместе с Маргарет исчезло самое главное, и теперь Джимми почти не болел за свое дело, подчиняясь хорошо знакомой рутине и профессиональным инстинктам, которые успел выработать за прошедшие годы. Со смертью жены жизнь Джимми потеряла смысл, и все остальное стало для него неважным.

Решение съехать с квартиры далось Джимми нелегко. Какая-то частичка его сердца хотела бы остаться здесь навсегда, чтобы по-прежнему дышать тем же воздухом, прикасаться к вещам, к каким прикасалась она, но уж слишком тяжело было ложиться вечером одному и просыпаться с мыслью, что он никогда больше ее не увидит. В конце концов Джимми все-таки решил съехать, надеясь, что это даст ему хоть какое-то облегчение. Куда он поедет, Джимми не знал. Ему было все равно. Раскрыв газету, он позвонил в первое же попавшееся на глаза агентство недвижимости, но все агенты оказались в разъезде, и его попросили оставить свой номер телефона. Положив трубку, Джимми решил собирать вещи дальше, но стоило ему открыть шкаф, где висели платья

Маргарет, как голова у него закружилась, а воздух с шумом вырвался из легких, словно от удара кулаком. Чтобы не упасть, Джимми машинально схватился за дверцу и долго стоял неподвижно, со всхлипом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Запах ее духов щекотал ему ноздри и тревожил больную память, и вскоре Джимми начало казаться, будто Маргарет – живая Маргарет – стоит у него за спиной, совсем рядом, и что достаточно только протянуть руку...

– И что мне теперь делать? – пробормотал он вслух, чувствуя, как жгут глаза готовые пролиться слезы. – Что мне теперь делать, Мэгги?..

«Жить, Джимми, жить, – раздался у него в голове ее явственный голос. – Не сдавайся, живи, и когда-нибудь мы непременно увидимся».

– Но почему когда-нибудь, почему не сейчас?..

Впрочем, он знал ответ. Уступить, уйти из жизни сейчас было бы трусостью, и Маргарет, его мужественная Маргарет, никогда бы ему этого не простила. Сама она никогда не сдавалась, даже когда до конца осталось совсем немного. До самого последнего дня Маргарет красила губы и ресницы, мыла голову и надевала платья, которые нравились ему больше всего.

И такого же мужества она требовала от него.

– Но я не хочу! – вырвалось у него. – Не хочу без тебя! Не могу!

«Не распускай нюни, мистер Джон Кеннеди Двадцать Восьмая Вода на Киселе», – слышался ее голос, и Джимми, услышав ее неподражаемый ирландский акцент, улыбнулся сквозь слезы.

– О'кей, Мэгги, о'кей, – пробормотал он, одно за другим снимая ее платья с вешалок и укладывая их в коробку так аккуратно, словно ожидал, что когда-нибудь она вернется за ними.

Лиз снова приехала в «Версаль» в воскресенье, чтобы встретиться с риелтором и договориться о сдаче внаем гостевого крыла и флигеля. Она решила ковать железо, пока горячо, вернее – пока Куп не передумал. Деньги нужны были ему как воздух, и Лиз решила, что, пока она еще может, она должна сделать для Купа все, что только в ее силах.

Встреча была назначена на одиннадцать, но, когда Лиз и риелтор подъехали к особняку, Купа уже не было. Он повез Памелу завтракать в «Бeverли-Хиллз-отель». Лиз знала, что завтра Куп собирается отправиться со своей пассией на Родео-драйв – улицу, где располагались фешенебельные магазины и бутики. О том, как может отразиться эта поездка на бюджете Купа, Лиз старалась не думать.

Отговаривать Купа она даже не пыталась. Лиз заранее знала: он скажет, что Памела – роскошная женщина, но ей совершенно нечего надеть. Куп обожал баловать своих подружек, и это ему удавалось. Он покупал им наряды и драгоценности, не считаясь ни с расходами, ни с тем, что при виде счета Эйба Бронштейна может хватить удар. Лиз знала, что Куп непременно повезет двадцатидвухлетнюю модель в магазины Теодора, Валентино, Диора и Ферре, и непременно – к Фреду Сигалу, и истратит на подарки не меньше пятидесяти тысяч, особенно если ему вдруг приглянется какая-нибудь безделушка, выставленная в витринах салона Ван-Клифа или Картье. Что до Памелы, мрачно подумала Лиз, ей и в голову не придет отказаться от подарков. С какой стати, ведь это сбывались мечты простой девчонки из Оклахомы – мечты, ради которых она и оставила отцовскую ферму и перебралась в Лос-Анджелес. – Признаться, – сказал риелтор, молодой человек лет двадцати двух, – я удивлен, что мистер Уинслоу решил пустить жильцов. Во флигель еще куда ни шло, но в жилое крыло... – Они как раз вошли в дом и приступили к осмотру, и Лиз с вполне объяснимой неприязнью подумала, что риелтор пытается выудить у нее какие-то подробности личной жизни звезды, чтобы потом передать их своим друзьям и коллегам и, может быть, будущим жильцам. Увы, избежать подобных вопросов было, скорее всего, нельзя, и Лиз знала, что отвечать на них придется. Она хотела сдать для Купа эти комнаты и не могла позволить себе гордо отмалчиваться, хотя бы это и означало, что она отдаст обожаемого патрона на растерзание досужим сплетникам, которые бывали особенно безжалостны к большим знаменитостям.

– В гостевом крыле есть отдельный вход, так что жильцы вряд ли столкнутся здесь с мистером Уинслоу, – сухо ответила она. – Кроме того, он много

путешествует, и большую часть времени его здесь просто не будет. Ну а жильцы – это дополнительная страховка против воров и вандалов. Если станет известно, что на территории поместья постоянно кто-то живет... В общем, вы меня понимаете.

Риелтор озадаченно наклонил голову. Об этом он не подумал. В словах Лиз был здравый смысл, однако молодой человек подозревал, что за подобным решением стоит что-то еще. Ему было известно, что Купер Уинслоу уже давно не снимался в главных ролях – риелтор, во всяком случае, не мог припомнить ни одной его большой роли последних лет, – так что похоже было, что за творческим кризисом наступил кризис финансовый. Вместе с тем Куп оставался звездой самой первой величины, живой легендой Голливуда и по-прежнему производил фурор в любом месте, где бы он ни появился. И риелтор живо сообразил, что это обстоятельство, пожалуй, поможет ему сдать гостевое крыло и флигель довольно быстро и за приличную цену. Жить в одном доме со звездой было более чем престижно, да и само поместье оказалось поистине уникальным. Другого такого не было во всей стране, может быть, даже во всем мире. По мнению риелтора, снять здесь комнаты было равнозначно тому, чтобы поселиться в Тадж-Махале, Лувре, Вестминстерском аббатстве. А если жильцам посчастливится, они могут даже увидеть живую звезду в бассейне или на теннисном корте.

«Об этом обязательно надо написать в рекламе», – подумал риелтор.

Внутри гостевое крыло выглядело более чем пристойно, хотя в первые минуты Лиз и пожалела, что не велела слугам здесь прибраться. Здесь были такие же высокие потолки с росписью, элегантные французские окна с двойными стеклами выходили на каменную террасу, окаймленную аккуратно подстриженными кустами живой изгороди, в тени которых стояли мраморные скамьи, приобретенные Купером в Италии много лет назад. В гостиной стояла антикварная французская мебель ручной работы; рядом помещался небольшой кабинет, также обставленный с изяществом и роскошью. Небольшая лестница вела на второй этаж, где находилась одна большая спальня и гардеробная с таким количеством стальных шкафов, что в них можно было блуждать, как в пещерах. Нормальному человеку столько шкафов было, конечно, ни к чему, но для Купа такая гардеробная была бы даже мала.

Напротив гостиной на первом этаже располагались две меньшие спальни, обитые английским вощеным ситцем с затейливым цветочным орнаментом, и

кухня с большим обеденным столом, которая, как сказал риелтор, напомнила ему кухни в провансальском деревенском стиле. Столовой в гостевом крыле не было, но Лиз сказала, что жильцы могут обедать как в гостиной, так и на кухне, где было очень уютно благодаря изразцовой печке-голландке и камину.

– И сколько мистер Уинслоу хочет за все это? – спросил риелтор, стараясь скрыть волнение. Он еще никогда не видел столь роскошных апартаментов. Не исключено, что их снимет какая-нибудь знаменитость – например, приехавшая в Лос-Анджелес на съемки кинозвезда или гастролирующий певец. Тот факт, что комнаты были полностью обставлены, было еще одним важным преимуществом. Легкая уборка, свежие цветы в вазах, и гостевое крыло станет совершенно неотразимым.

– А сколько вы предложите? – спросила Лиз, которую вопрос риелтора застал врасплох. Она давно не сталкивалась с вопросами найма и сдачи недвижимости и потому чувствовала себя не очень уверенно. Сама она жила все в той же скромной квартирке, которую сняла для себя двадцать два года назад.

– Думаю, десять тысяч в месяц я могу гарантировать, – ответил риелтор задумчиво. – Может быть, немного больше. При удаче рента может составить двенадцать, пятнадцать тысяч, но такого варианта придется ждать несколько месяцев. Но десять тысяч – это более чем реально.

– Хорошо, пусть будет десять, – быстро согласилась Лиз. Вместе с платой за флигель, подумала она, Куп будет получать ежемесячно достаточно большую сумму, которая позволит ему начать выплачивать долги, если, конечно, Эйбу удастся отнять у него кредитные карточки. Лиз всерьез опасалась, что после того, как она уедет, за Купом некому будет присматривать, и он может совершить какое-нибудь новое безрассудство, которое всерьез ухудшит его положение. Правда, и когда Лиз была рядом, Куп не особенно ограничивал свои траты, но она, по крайней мере, сдерживала его безрассудные порывы.

Закончив осмотр гостевого крыла, Лиз и риелтор сели в машину и поехали к северной границе поместья, чтобы осмотреть флигель, утопавший в зелени разросшегося сада. Флигель, хотя и именовался официально домом привратника, стоял в глубине сада и был похож скорее на небольшую усадьбу, чем на служебную постройку. Двухэтажный, сложенный из белого камня и заросший с северной стороны плющом, он всегда напоминал Лиз классический английский коттедж. Во всем его облике было что-то сказочное, и риелтор

невольно ахнул, увидев проглядывающий из-за деревьев белый фасад.

Внутренняя отделка и обстановка флигеля так же были изящными и дорогими, однако, в отличие от гостевого крыла, поражавшего галльской роскошью, здесь царил суровый англосаксонский стиль.

– Боже мой! Это же настоящее чудо! – воскликнул риелтор, не в силах сдержать свои эмоции. – Я такого еще никогда не видел и даже не думал, что где-то может быть такая красота.

Немного постояв среди кустов роз, высаженных перед дверями, они поднялись на широкое деревянное крыльцо и вошли в дом. Комнаты здесь были, конечно, меньше, чем в главном здании, а потолки – ниже, однако благодаря точно соблюденным архитектурным пропорциям они не создавали ощущения тесноты и даже казались просторнее, чем были на самом деле. Мебель здесь была массивной, основательной, а перед большим камином в гостиной стоял длинный кожаный диван. В кухне висели на стенах медные сковороды, ковши, турки с изогнутыми чеканными ручками и прочая утварь. Две спальни были обиты полосатым тиком и обставлены мебелью в стиле Георга III, собиранием которой Куп увлекался лет пятнадцать назад. Во всех комнатах на полу лежали вязаные коврики, в буфете красного дерева в гостиной тускло поблескивало столовое серебро и фарфоровый сервиз девятнадцатого века на двенадцать персон.

Иными словами, это был настоящий английский сельский дом, словно силою волшебства перенесенный с Британских островов в Бель-Эйр. Он находился даже ближе к корту, чем главный дом, но дальше от бассейна, расположенного почти прямо перед гостевым крылом, однако Лиз это не казалось недостатком.

Риелтор, похоже, был полностью с ней согласен.

– Превосходный дом! – сказал он. – Для того, кто понимает, конечно. Я бы и сам не отказался пожить в таком.

– Мне тоже всегда этого хотелось, – призналась Лиз. Однажды она спросила Купа, нельзя ли ей пожить во флигеле хотя бы недельку, и он ответил согласием, однако она так и не собралась исполнить свое желание. – Кстати, как и в гостевом крыле, здесь есть несколько комплектов постельного белья и посуда.

– Мне кажется, что и за флигель мне удастся получить десять тысяч в месяц, – задумчиво проговорил риелтор. – Возможно, даже больше. Дом, правда, небольшой, но уж очень уютный. В нем есть шарм и стиль. – Благодаря своим размерам и обстановке гостевое крыло выглядело, конечно, намного роскошнее, зато во флигеле было уютнее. И, как они уже говорили, для знатока английского классического стиля флигель был самой настоящей находкой. Оставалось только найти такого знатока, но риелтор был уверен, что сумеет оформить сделку в течение месяца.

– Я хотел бы приехать сюда в начале будущей недели и сделать несколько фотографий гостевого крыла и флигеля, – сказал он. – Если за неделю я ничего не найду, тогда придется подключить моих коллег, но это только в крайнем случае. Я хочу сам найти для мистера Уинслоу подходящих жильцов.

– Да, – кивнула Лиз. – Для Купа очень важно, чтобы жильцы были подходящими.

– Кстати, – спохватился риелтор, – может быть, у мистера Уинслоу есть какие-то дополнительные условия? Если да – сообщите мне, чтобы я мог их учесть. – И он достал блокнот, в который уже записал все данные о гостевом крыле и флигеле, о количестве и расположении комнат в них, а также другие необходимые сведения.

– Честно говоря, Куп не в восторге от детей, к тому же ему бы не хотелось, чтобы что-то из обстановки было испорчено, – сказала Лиз. – Не уверена насчет собак и других домашних животных, но, полагаю, это тоже нежелательно. Никаких других условий у него нет. – О желании Купа, чтобы во флигеле и гостевом крыле жили красивые молодые женщины, Лиз, естественно, упоминать не стала.

– Насчет детей не могу ничего обещать, – покачал головой риелтор. – Разумеется, мы постараемся учесть пожелание мистера Уинслоу, но поймите и нас: мы не можем отказывать семьям с детьми, в противном случае наше агентство подвергнется санкциям за дискриминацию. Что касается возможного ущерба собственности мистера Уинслоу, то я уверен – этого удастся избежать. Согласитесь, что позволить себе такие... апартаменты могут только состоятельные люди, которые знают, что такое приличия. – «Если не считать рок-звезд», – подумал он про себя. У риелтора уже были неприятности с этим контингентом, отличавшимся непредсказуемостью, отсутствием манер и

пристрастием к наркотикам и алкоголю.

Вскоре риелтор откланялся, и Лиз поехала к себе домой, предварительно проверив, все ли в порядке в главном доме. Прислуга все еще пребывала в некотором шоке после вчерашнего уведомления об увольнении, однако потрясение было не особенно глубоким: учитывая постоянные задержки зарплаты, все они ожидали чего-то подобного. Ливермор, к примеру, уже нашел новое место. Когда Лиз спросила, как его дела, он ответил, что будет работать в Монте-Карло у одного арабского принца, который в течение нескольких месяцев пытался сманить его у Купа. Получив расчет, Ливермор тотчас позвонил в Европу и принял это предложение. Лиз даже показалось, что дворецкий не особенно расстроен тем, что ему пришлось уйти; впрочем, если он и был огорчен, то, по обыкновению, никак этого не показывал. В следующие выходные Ливермор уже должен был лететь в Париж, а оттуда – на юг Франции, и Лиз подумала, что для Купа это будет настоящим ударом.

Примерно через час после отъезда Лиз появились Куп и Памела. После завтрака они долго сидели у бассейна «Бeverли-Хиллз-отеля», болтая о всякой ерунде с друзьями и знакомыми Купа. Памела просто не могла поверить своему счастью. Оказаться в подобном обществе было пределом ее мечтаний. Когда они наконец вернулись в «Версаль», она буквально задышалась от восторга и едва могла говорить. Впрочем, этого от нее и не требовалось. Через полчаса Памела и Куп уже лежали в постели, а рядом охлаждались в серебряном ведерке две бутылки «Кристалля».

Часов в пять повар подал им в спальню обед. Они посмотрели по видео два старых фильма с участием Купа, а затем он отвез ее домой, так как рано утром ему нужно было ехать к парикмахеру и к специалисту по иглоукалыванию. Кроме того, спать Куп всегда предпочитал один – красивая девушка в его постели могла только помешать полноценному ночному отдыху, и он старался соблюдать это правило неукоснительно.

К утру следующего дня риелтор уже приготовил две папки с подробным описанием сдаваемых внаем объектов. Придя на работу, он сел на телефон и обзвонил нескольких клиентов, которые искали для себя что-нибудь необычное. Взглянуть на флигель изъявили желание сразу трое одиноких мужчин; что касалось гостевого крыла, то им заинтересовалась молодая супружеская пара. Супруги недавно переехали в Лос-Анджелес, но купленный ими дом нуждался в ремонте и перестройке, что должно было занять как минимум год.

Не успел риелтор положить трубку, как телефон зазвонил снова. Это был Джимми. Он объяснил, что ищет жилье. Где – не имело для него значения; главное, сказал он, дом или квартира должны быть небольшими, чтобы не тратить слишком много времени на уборку, и с приличной кухней. В последнее время Джимми почти ничего не ел, обходясь бутербродами и растворимым кофе, однако он был уверен, что рано или поздно снова начнет готовить для себя сам. Как и спорт, готовка была для него чем-то вроде хобби, она успокаивала, отвлекала от проблем, а это было именно то, в чем Джимми больше всего сейчас нуждался.

Наличие обстановки его не особенно волновало. У них с Маргарет была вся необходимая мебель, но она им не особенно нравилась, поэтому Джимми с равным успехом мог как воспользоваться ею, так и оставить в платном хранилище. Последний вариант, впрочем, казался Джимми более предпочтительным, так как он не хотел, чтобы вещи постоянно напоминали ему о потере. Нет, думал он, если уж переезжать на новое место, пусть и мебель там будет новой – так ему будет легче, гораздо легче. Единственное, с чем он не в силах был расстаться, это с фотографиями Маргарет, на которых они были запечатлены вместе. Все остальные принадлежавшие ей вещи он убрал в коробки и сдал на хранение, чтобы не наткнуться на них каждый день.

Риелтор спросил у Джимми, есть ли у него какие-то пожелания относительно места, но он ответил отрицательно. Голливуд, Беверли-Хиллз, Лос-Анджелес, Малибу – ему было все едино. Джимми едва не сказал, что ему хотелось бы жить неподалеку от океанского побережья, но вовремя сообразил, что и это будет напоминать ему о Маргарет. Все, буквально все причиняло ему боль теперь, и Джимми сомневался, что ему удастся найти такой дом, который бы не навевал, а напротив – отвлекал его от мрачных мыслей.

Он ничего не сказал о желаемой цене, и риелтор решил рискнуть. Описывая флигель, он не пожалел красок, и, немного поколебавшись, Джимми сказал, что хотел бы на него взглянуть. Они договорились о встрече на пять часов вечера, и риелтор спросил, в какой части города работает Джимми.

– В Уоттсе, – отозвался Джимми. Для него в этом не было ничего необычного, но риелтор немедленно насторожился.

– Ага, понятно... – протянул он, не зная, что сказать. Вдруг, подумалось ему, этот Джимми О'Коннор – афроамериканец? Спросить об этом он, разумеется, не мог, однако не исключено было, что Джимми не может позволить себе платить по десять тысяч долларов в месяц.

– У вас есть какие-нибудь пожелания по цене? – осторожно спросил он.

– Я надеюсь, цена будет разумной, – рассеянно пробормотал Джимми. Он уже опаздывал на работу и думал только о предстоящей встрече с супружеской парой, которая собиралась усыновить двух четырехлетних близнецов. Но риелтор уже сомневался, что Джимми – подходящий клиент. Тот, кто работал в Уоттсе, вряд ли мог позволить себе снять флигель Купера Уинслоу. Когда же в пять часов они встретились у северных ворот «Версаля», он понял, что его опасения подтвердились.

Джимми приехал на встречу в побитой «Хонде Сивик», которую купил по настоянию Маргарет сразу после переезда в Лос-Анджелес. Сам Джимми предпочел бы машину подороже, но напрасно он объяснял жене, что в Калифорнии встречают не по одежке, а по тому, какая у тебя машина. В конце концов она все же настояла на своем. По ее мнению, социальные работники не имели права ездить на дорогих машинах, даже если могли себе это позволить.

А Джимми мог себе позволить не только классную машину, но и многое другое. Он происходил из очень состоятельной семьи, однако они с Маргарет очень редко говорили об этом даже между собой. «Если ты будешь козырять передо мной своим богатством, – заявила она ему однажды, – я с тобой разведусь и найду кого-нибудь, кто не будет каждый день тыкать меня носом в свои миллионы». Джимми вовсе не собирался тыкать ее носом – он только хотел, чтобы у его жены было все самое лучшее (поводом для разговора послужила купленная им для Маргарет стереосистема класса «хай-энд»), но с тех пор старательно обходил опасную тему. Никто из их друзей даже не догадывался о том, сколько у него денег.

Одежда Джимми была под стать машине. На нем были потертые джинсы с прорванным коленом и бахромой внизу, застиранная футболка с эмблемой Гарварда, которую он носил уже лет десять, и рабочие ботинки из толстой кожи. Ходить в них было жарковато, но в домах, где Джимми приходилось бывать по работе, водились крысы, и он не хотел, чтобы его укусили. Он был бы похож на чернорабочего, если бы не лицо – чисто выбритое, умное, интеллигентное. Кроме

того, Джимми недавно подстригся, и, глядя на него, риелтор окончательно запутался.

– Могу я узнать, чем вы занимаетесь, мистер О'Коннор? – спросил он, отпирая дверь флигеля. Риелтор уже показывал его сегодня, но первый из претендентов сказал, что он слишком мал. Второму показалось, что флигель стоит слишком уж уединенно, третьему же и вовсе нужна была квартира. Таким образом, сдать дом в первый же день риелтору не удалось, а на Джимми надежд было мало. Вряд ли, размышлял риелтор, этот парень может позволить себе платить десять «кусков» в месяц, однако показать дом он был обязан.

А у Джимми едва не захватило дух от восторга. Он даже остановился на дорожке между розовых кустов и, слегка приоткрыв рот, смотрел на дом во все глаза. Флигель был очень похож на ирландский коттедж, какие он видел во время их с Маргарет поездок в Ирландию. Оказавшись в гостиной, Джимми почувствовал себя так, будто в мгновение ока перенесся в Ирландию или в Новую Англию. Для одинокого холостяка это было идеальное жилище. В размерах комнат, в обстановке, в самом воздухе дома было что-то надежное, обстоятельное, немного консервативное, чисто мужское. Даже кухня, куда Джимми заглянул в первую очередь, была такой, как надо, – функциональной, удобной, без всяких женских штучек.

Спальню Джимми осмотрел почти равнодушно, зная, что здесь он будет только спать, а точнее, проваливаться в сон. Зато ему очень нравилось, что в доме очень легко можно было вообразить, будто живешь не в огромном мегаполисе, а где-нибудь в глухой сельской местности или даже в лесу. В отличие от клиента, осматривавшего коттедж утром, Джимми предпочитал уединение, благотворно действовавшее на его исстрадавшуюся душу.

– Я – социальный работник, – ответил Джимми, и риелтор помрачнел еще больше. На зарплату социального работника Джимми мог арендовать разве что крыльцо от флигеля. Тем не менее риелтор счел необходимым сохранить хорошую мину при плохой игре.

– А ваша жена приедет взглянуть на дом? – спросил риелтор, разглядывая гарвардскую фуфайку Джимми и гадая, действительно ли этот парень учился в этом престижном университете или просто купил ее в магазине Армии спасения.

– Нет. Она... – начал Джимми и осекся. – Я буду жить один, – добавил он. Ему было очень трудно сказать о себе – «вдовец». Это слово казалось ему слишком холодным, не отражавшим того, что он на самом деле чувствовал и что пережил. Сказать «я холостяк» Джимми тоже не мог, потому что не чувствовал себя таковым. «Не женат» было бы неправдой. Он до сих пор чувствовал себя мужем Маргарет, и, будь у него обручальное кольцо, он бы носил его. Но Маргарет не подарила ему кольца, а то, что он преподнес ей, было похоронено вместе с нею.

– Мне нравится этот дом, – сказал Джимми, еще раз пройдясь по всем комнатам и заглянув во все шкафы. Единственное, что его смущало, это то, что флигель находился на территории богатого поместья и явно стоил достаточно дорого, но он подумал, что, если к нему зайдет кто-то из товарищей и коллег по работе, он всегда может сказать, будто нанялся по совместительству сторожем или садовником. Джимми привык скрывать свое богатство, и обычно ему не составляло труда выдумать какую-то историю, способную снять все недоуменные вопросы. Он понимал, что такой дом ему, строго говоря, не нужен, но флигель ему нравился, и – самое главное – Джимми был уверен, что он понравился бы Маргарет. Дом был как раз в ее вкусе, хотя жить здесь она ни за что бы не согласилась, так как ей было не по карману выплачивать ни половину, ни даже треть назначенной ренты.

При мысли об этом Джимми невольно улыбнулся и пообещал риелтору позвонить завтра.

– Мне бы хотелось немного подумать, – сказал он, садясь в свою облезлую «Хонду», и риелтор с горечью подумал о зря потраченном времени. Он был уверен, что Джимми сказал это, только чтобы сохранить лицо. Судя по его машине, одежде и роду занятий, у него не было и быть не могло таких денег. Впрочем, Джимми показался ему довольно приятным человеком, и риелтор старался держаться с ним как можно любезнее. Из опыта своего и своих коллег он знал, что первое впечатление не всегда самое верное. Бывали случаи, когда форменные оборванцы оказывались наследниками громадных состояний.

По пути домой Джимми думал о доме, где только что побывал. Он был достаточно уютным и казался подходящим убежищем, где можно было укрыться от суеты. Еще он думал о том, как хорошо было бы поселиться там с Маргарет, и боялся, что подобные мысли могут лишить его желанного покоя. Джимми, однако, достаточно хорошо знал жизнь, чтобы понимать: никогда нельзя знать заранее, что будет лучше, а что хуже, пока не попробуешь. Кроме того, от себя

ведь не скроешься, не убежишь, так что не стоит и пытаться. Все равно его тоска последует за ним, куда бы он ни направился, где бы ни жил.

Вернувшись домой, Джимми продолжил укладывать вещи, чтобы чем-то занять себя. Квартира была уже практически пуста, и, упаковав последнюю коробку, Джимми заварил себе суп из пакетика и сел с тарелкой у окна.

Суп он так и не доел. Выбросив остатки еды, он лег на диване в гостиной, но ему не спалось. Джимми долго лежал без сна, думая о Маргарет и о том, что бы она ему посоветовала. Когда-то он хотел снять квартиру прямо в Уоттсе, что было бы удобнее с чисто практической точки зрения (опасностей, сопряженных с жизнью в таком беспокойном районе, Джимми не боялся), потом решил, что поселится где-нибудь в Лос-Анджелесе, но теперь он не мог отделаться от мыслей о флигеле. Утопавший в зелени дом совершенно очаровал его. Он был ему вполне по средствам, и Джимми спросил себя, может ли он хоть раз в жизни позволить себе подобное чудачество? Кроме того, история о том, что он якобы нанялся работать в саду за пониженную ренту, начинала нравиться ему самому. Он был уверен, что Маргарет оценила бы эту его выдумку, как оценила бы уютную гостиную с камином и просторную спальню, под окнами которой цвели и благоухали крупные калифорнийские розы.

В восемь утра, едва проснувшись, Джимми сразу позвонил риелтору на его сотовый телефон и сказал, что согласен. И, говоря это, он почти улыбнулся. Насколько Джимми помнил, за последние несколько недель это был фактически первый раз, когда ему захотелось улыбаться, но он ничего не мог с собой поделать. Дом настолько ему понравился, что он начал бояться, как бы его кто-нибудь не перехватил.

– Вы согласны? – переспросил риелтор, не сумев скрыть своего удивления. Быть может, подумалось ему, этот парень просто не понял, когда он назвал ему цену? – Но ведь это десять тысяч долларов в месяц, мистер О'Коннор. Это большие деньги. Вы уверены, что готовы платить столько? – Риелтору не хватило духа спросить, есть ли у Джимми дети или домашние животные. Ему уже начинало казаться, что сдать флигель будет труднее, чем он думал. У дома была своя индивидуальность, свой характер, и случайный человек вряд ли решился бы снять его за десять тысяч в месяц.

– Деньги у меня есть, – успокоил его Джимми. – Только вот что... Я хотел бы забронировать дом, пока идет оформление договора. Что для этого нужно

сделать – внести наличные или достаточно чека?

– Пока ничего не нужно делать, мистер О'Коннор. Сначала мы должны навести справки... Рутинная проверка, не больше. – Проверкой кредитоспособности клиента риелтор должен был заняться в любом случае.

– Но мне бы не хотелось упустить этот чудный домик, – взволнованно сказал Джимми. Все его безразличие к жизни вдруг куда-то пропало. Он уже заметил, что в последние дни стал больше беспокоиться о вещах, на которые еще недавно не обратил бы внимания. Тревожиться, волноваться, переживать – это была прерогатива Маргарет, теперь же ему приходилось все решать самому.

– Не волнуйтесь, я придержу его для вас. В конце концов, вы первый высказали желание его снять.

– И сколько времени займет эта ваша проверка?

– Около трех дней, возможно, больше. В последнее время банки проводят проверку кредитоспособности особенно тщательно.

– Давайте сделаем вот как, – решительно перебил Джимми. – Позвоните в мой банк. – Он продиктовал риелтору телефон и фамилию управляющего отделом клиентского обслуживания «Бэнк оф Америка». – Я уверен – мистер Джефферсон поможет проделать все необходимое побыстрее. – Обычно Джимми не козырял своим знакомством с управляющим, но он был одним из самых крупных вкладчиков банка и не сомневался, что, если старина Джейк вмешается, проверка будет проведена в мгновение ока. Джейку Джефферсону не нужно было лезть в бухгалтерские книги, чтобы сказать, что счета Джимми О'Коннора в полном порядке.

– Я так и сделаю, – пообещал риелтор. – Вы не дадите мне номер телефона, по которому я мог бы застать вас в течение дня?

Джимми дал ему номер своего служебного кабинета и предупредил, что, если его вдруг не окажется на месте, он может оставить голосовое сообщение.

– Но до обеда я буду на месте, – закончил он. Его ждали целые горы бумаг, с которыми предстояло разбираться, и Джимми знал, что проторчит в офисе не один час.

Уже в десять часов риелтор ему перезвонил. Как и предполагал Джимми, проверка его кредитоспособности заняла считанные минуты. Стоило риелтору назвать фамилию О'Коннор, как ему ответили, что счета в полном порядке. Управляющий клиентского отдела был не вправе называть конкретные цифры, однако он заверил, что мистер О'Коннор является одним из самых крупных частных вкладчиков «Бэнк оф Америка». На самом деле, если бы Джимми захотел, он мог бы купить весь «Версаль» вместе с флигелем и парком, но управляющий не стал говорить об этом риелтору.

– Он что, собрался покупать дом? – с интересом спросил Джейк Джефферсон. Он надеялся, что это так, хотя и не сказал этого вслух. После постигшего Джимми несчастья это могло бы быть первым признаком того, что в нем снова проснулся интерес к жизни.

– Нет, он только арендует небольшой, но очень дорогой коттедж в Бель-Эйр, – пояснил риелтор. Он по-прежнему допускал, что его, возможно, неправильно поняли, поэтому повторил: – Месячная плата составляет десять тысяч долларов, причем рента за первый и последний месяцы взимается одновременно, так как из них выплачиваются комиссионные агентства. Кроме того, мистеру О'Коннору придется заплатить страховой взнос в размере двадцати пяти тысяч долларов.

И снова управляющий заверил его, что для Джимми это сущие пустяки. Такой ответ настолько заинтриговал риелтора, что он не сдержал любопытства и спросил:

– Да кто же он такой, этот ваш клиент? Арабский шейх инкогнито?

– Он именно тот, за кого себя выдает – Джеймс Томас О'Коннор, – был ответ. – Один из самых крупных наших клиентов.

Риелтор понял, что хватил через край.

– Поймите мое беспокойство, – начал он неуверенно. – Мистер О'Коннор сказал, что он социальный работник. Всем известно, что эта работа хотя и считается

общественно значимой, не слишком высоко оплачивается и... такая высокая плата...

– Можно только пожалеть, что таких людей, как Джимми О'Коннор, слишком мало. Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

– Будьте добры, пришлите мне по факсу гарантийное письмо.

– Вы получите его в ближайшие полчаса. Выписать вам чек от его имени, или Джимми сделает это сам?

– Я у него спрошу, – ответил риелтор. До него только что дошло, что он все-таки сдал флигель, и он поспешил перезвонить Джимми, чтобы сообщить ему новость.

– Вы можете получить ключи в любое время, – сказал он, и Джимми пообещал, что заедет в агентство после обеда и привезет чек. Он, впрочем, предупредил, что переедет во флигель только через пару недель, после того как отделается от своей старой квартиры. На самом деле Джимми готов был перебраться во флигель хоть завтра, но ему вдруг захотелось еще немного пожить там, где им с Маргарет было так хорошо. Впрочем, он тут же подумал, что особого значения это не имеет. Ведь, куда бы он ни поехал, Маргарет будет в его сердце всегда.

– Надеюсь, вам будет хорошо в этом доме, мистер О'Коннор, – искренне сказал риелтор, у которого гора с плеч свалилась. – Это действительно отличный дом. А если вам повезет, вы близко познакомитесь с самим мистером Уинслоу.

Кладя трубку, Джимми неожиданно для себя рассмеялся. Что сказала бы Маргарет, если бы узнала, что они будут снимать флигель у прославленной кинозвезды? Да она бы потешалась над ним день и ночь, уличая его в тщеславии и преклонении перед дутыми авторитетами, но Джимми все же казалось – он имеет право хотя бы на одно маленькое безумство. И где-то в глубине души он знал, что Маргарет не только поддержала бы это решение, но и была бы рада за него.

В понедельник Марк снова приехал на работу после бессонной ночи. Не успел он сесть в кресло, как телефон на столе зазвонил. Это был Эйб Бронштейн.

– Я звоню, чтобы еще раз сказать тебе, что мне очень жаль, – с сочувствием сказал он. Вчера Эйб весь вечер думал о Марке и его несчастье, и ему вдруг пришло в голову, что его другу может понадобиться новая квартира. В самом деле, не мог же он жить в отеле вечно.

– Слушай, – добавил Эйб, – у меня тут появилась одна безумная идея. Я не знаю, что именно тебе нужно в смысле жилья, но... Один из моих клиентов, Купер Уинслоу, сдает гостевое крыло своего городского особняка. По секрету могу сказать, что у него сейчас очень сложно с деньгами и ему не под силу содержать в порядке весь дом, а дом у него просто шикарный. Может быть, ты слышал, его еще называют «Голливудским Версалем». Он еще сдает флигель у ворот, но, думаю, он тебе не подойдет. Впрочем, ты сам это решишь. Я уверен, они еще не сданы. Не хочешь, случайно, взглянуть?.. Это действительно отличное место; жить там даже лучше, чем в кантри-клубе[4 - Кантри-клуб – загородный клуб для избранных с теннисными кортами, плавательными бассейнами и т. п.].

– Я еще не думал о переезде, – честно признался Марк, хотя в том, чтобы поселиться в поместье Купера Уинслоу, что-то было. В конце концов, если дети когда-нибудь приедут к нему, им должно там понравиться.

– Если хочешь, – продолжал Эйб, – я заеду за тобой в обеденный перерыв, и мы вместе съездим в «Версаль». В любом случае ты ничего не потеряешь – на эту красоту стоит взглянуть хотя бы раз в жизни. Четырнадцать акров садов и парков, бассейн, теннисный корт – и все это в самом центре города, в Бель-Эйр. Ну что, согласен?

– Что ж, звучит заманчиво. – Марк не хотел обижать друга отказом, но он еще не был готов к тому, чтобы подыскивать новое жилье, хотя бы и в доме самого Купера Уинслоу. И все же после некоторых колебаний он решил, что поедет хотя бы из-за детей.

– Отлично! – обрадовался Эйб. – Я буду у тебя в половине первого, но сначала договорюсь с риелтором, чтобы он нас встретил. Должен предупредить: рента довольно высокая, но ты можешь себе это позволить. – Он улыбнулся про себя.

Ему было прекрасно известно, что Марк был одним из самых высокооплачиваемых сотрудников фирмы, в которой не только работал, но и владел крупным пакетом акций, приносящих ему хорошую прибыль. Подавляющее большинство людей считало налоговое законодательство прескучной штукой, и где-то это действительно было так, но Марк любил свою работу, он много знал и отличался недюжинными способностями, что и помогло ему добиться столь высокого положения. Он, однако, никогда не бахвалился своими доходами, никогда не выставлял их напоказ. Единственной роскошью, которую он себе позволял, был «Мерседес» последней модели; во всем остальном он был человеком достаточно непритязательным и скромным.

Положив трубку, Марк почти забыл о разговоре с другом. Ему казалось, что гостевое крыло особняка вряд ли ему понравится, и он готов был ехать смотреть его, только чтобы не огорчать Эйба, который проявил к нему такое искреннее участие. Кроме того, Марк не знал, что ему делать в обеденный перерыв. Кусок по-прежнему не лез ему в горло; ел он только по вечерам, да и то только потому, что понимал: если он не заставит себя проглотить сэндвич-другой, то может упасть в голодный обморок прямо на улице.

Эйб приехал в офис Марка точно в назначенное время и сообщил, что риелтор будет ждать их в усадьбе через пятнадцать минут. По дороге туда друзья говорили о новых поправках к налоговому законодательству, которые были настолько противоречивыми, что могли иметь двоякое толкование. Марк так увлекся, что забыл, куда и зачем они едут, и был очень удивлен, когда машина затормозила у главных ворот поместья. Эйб знал код на память; отперев ворота, он повез друга по подъездной дорожке мимо ухоженных садов, деревьев и цветочных клумб.

«Версаль» неожиданно для самого Марка произвел на него сильное впечатление. Он был настолько красив, что при виде его Марк едва не расхохотался – настолько нелепой показалась ему мысль о том, что он будет жить здесь рядом с Купером Уинслоу. В таком дворце, считал он, может жить только какая-нибудь знаменитость. Ему и в голову не пришло, что в области налогового законодательства он тоже был своего рода звездой.

– Боже мой! – воскликнул Марк. – Вот это роскошь! Неужели все это принадлежит одному человеку? – Не веря своим глазам, он разглядывал мраморные колонны, резное мраморное крыльцо и фонтан, напомнивший ему фонтан на площади Согласия в Париже.

– Сейчас ты спросишь, какой налог он платит, – рассмеялся Эйб и прищурился. – Этот особняк был выстроен больше восьмидесяти лет назад для Веры Харпер, если помнишь такую. Куп купил его сорок лет назад, и, должен сказать откровенно, он ежегодно обходится ему в целое состояние.

– Могу себе представить, – кивнул Марк. – Должно быть, у него много слуг?

– Сейчас его штат составляет двадцать человек, но через неделю-полторы останется одна горничная и два приходящих садовника. Всех остальных я рассчитал. Куп называет мою политику «политикой выжженной земли», но иначе я не могу. Кстати, я пытаюсь заставить его продать свои машины, так что, если тебе нужен «Роллс-Ройс» или «Бентли», обращайся, я могу это устроить. – Эйб снова рассмеялся. – Куп – неплохой парень, но слишком уж избалованный. Должен признать, впрочем, что он и дом как нельзя лучше подходят друг другу. Без «Версаля» это будет уже не тот Купер Уинслоу, и наоборот. К сожалению, бороться за то, чтобы Куп остался хозяином собственного поместья, приходится мне одному. На данный момент между нами существует что-то вроде договора о вооруженном нейтралитете, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Марк кивнул. Он совсем не знал Купера Уинслоу, зато он знал Эйба и понимал, что актер и бухгалтер отличаются, как небо и земля. Трезвый, практичный до мозга костей, приземленный, расчетливый, Эйб не отличался элегантностью и не знал, что такое стиль, однако доброты, сострадания в сердце старого бухгалтера было куда больше, чем можно было судить по его виду и манерам. Именно из жалости он помогал Куперу сохранить «Версаль», именно из сострадания он повез Марка смотреть гостевое крыло, надеясь, что сумеет хоть как-то отвлечь своего молодого друга от грустных мыслей. Сам Эйб никогда не бывал в сдаваемой части дома, но Лиз кое-что рассказывала ему, и он не сомневался, что там так же красиво, как и в апартаментах Купа.

Эйб был совершенно прав, предполагая, что гостевое крыло приведет Марка в восторг. Когда риелтор впустил их, Марк даже ненадолго остановился и присвистнул. Задрав голову, он рассматривал расписные потолки, ахал при виде высоких французских окон, восторгался старинной позолоченной мебелью. Ему казалось, он очутился в старинном французском замке-дворце, где жил какой-то граф или маркиз. Только кухня показалась ему недостаточно современной, но, как правильно заметил риелтор, она была уютной и теплой, да и готовить Марк все равно не собирался.

Главная спальня поразила его своим великолепием, и, хотя сам Марк никогда бы не выбрал в качестве обоев голубой атлас, он должен был признать, что этот цвет сообщал комнате почти царственное величие. К тому же, напомнил себе Марк, он ведь не собирается жить здесь всегда. Пока же он будет размышлять о том, что делать со своей жизнью дальше, голубые обои будут отвлекать его от мрачных мыслей. Парк ему тоже очень понравился, и Марк подумал, что для детей он подойдет идеально. В последнее время он несколько раз задумывался о том, чтобы снова переехать в Нью-Йорк и поселиться там поближе к ним, но ему не хотелось мешать личной жизни Дженнет, к тому же в Лос-Анджелесе у него было слишком много клиентов, которые на него надеялись. То, что ему вдруг подвернулось такое предложение, он считал настоящей удачей. Марк был уверен, что жить здесь ему будет все же легче, чем в отеле, где он ночами напролет вынужден был прислушиваться к хлопанью дверей и шуму спускаемой воды.

– Ты прав, это действительно замечательная квартира! – со слабой улыбкой сказал он Эйбу и еще раз огляделся по сторонам. Марку и в голову не приходило, что кто-то может жить в такой роскоши. Его собственный дом тоже был обставлен далеко не бедно, но гостевое крыло больше походило на декорацию к какому-то фильму из жизни сильных мира сего. Что ж, подумал он, жить здесь будет как минимум интересно. К тому же Марку казалось, что когда дети приедут навестить его в Лос-Анджелесе, им здесь будет лучше, чем где бы то ни было. Теннисный корт, бассейн, барбекю в парке – что еще нужно молодежи?

– Спасибо, что привез меня сюда, – сказал он, благодарно пожимая Эйбу руку.

– Я просто подумал, что тебе стоит на это взглянуть, – несколько смутился тот. – Ведь не можешь же ты постоянно жить в отеле.

Марк кивнул. Он думал о том, что отдал всю мебель Дженнет, и то, что гостевое крыло сдавалось вместе с обстановкой, оказалось весьма кстати.

– И сколько стоит вся эта красота? – спросил он риелтора.

– Десять тысяч долларов в месяц, – не моргнув глазом ответил тот. – И многие готовы платить еще больше, лишь бы оказаться здесь. Дом мистера Уинслоу уникален во многих отношениях; то же самое, естественно, относится и к гостевому крылу. Уверю вас, ничего подобного вы не найдете нигде. Вам

представилась уникальная возможность поселиться на территории этого единственного в своем роде городского поместья – нет, не поместья, а дворца...

– А как насчет флигеля у ворот? – прервал Эйб поток риелторского красноречия.

– Я уже сдал его одному очень приятному молодому человеку, – отозвался тот. – И надо вам сказать, что это предложение пробыло на рынке всего несколько часов. Как видите, вам представилась неповторимая...

– В самом деле? – снова перебил риелтора Эйб. – И кто же снял флигель?.. Наверное, кто-нибудь известный? – Он был уверен, что услышит знакомую фамилию, но ошибся.

– Отнюдь нет. Мистер О'Коннор – социальный работник, – с достоинством отвечал риелтор, и седые брови Эйба удивленно поползли вверх.

– И он... готов платить такие деньги? – осторожно поинтересовался он. В качестве личного бухгалтера Купа Эйб был кровно заинтересован в том, чтобы у его работодателя не было никаких осложнений с жильцами.

– По-видимому, да, – ответил риелтор. – Я связывался с управляющим клиентского отдела «Бэнк оф Америка», и он сказал, что кредитоспособность мистера О'Коннора не вызывает сомнений. Оказывается, он – один из самых крупных вкладчиков банка. Через десять минут после моего разговора с управляющим банк прислал по факсу гарантийное письмо, и в тот же день мистер О'Коннор лично привез мне чек на сорок пять тысяч. В ближайшие дни он переедет сюда со старой квартиры на Венис-Бич.

– Любопытно. – Эйб покачал головой и снова повернулся к Марку, который с интересом заглядывал в стенные шкафы. На его взгляд, их было здесь слишком много, но он подумал, что никто не заставляет его использовать их все. Гораздо больше, чем шкафам, он обрадовался двум маленьким спальням на первом этаже. Если Джейсон и Джессика действительно приедут, им будет очень удобно здесь.

Продолжая оглядываться по сторонам, Марк думал о названной риелтором сумме. Деньги, бесспорно, были не маленькие, но он мог себе это позволить. Другой вопрос, стоит ли тратить столько на простую прихоть, или лучше найти

что-нибудь не такое шикарное, но по более приемлемой цене? Марк знал, что если он согласится, то это будет его первым безумным поступком за всю жизнь, но, может быть, ему пора было сделать что-то безумное? Дженнет такой поступок совершила. Она ушла от него – просто встала и ушла к другому. Он же собирался всего-навсего снять квартиру, правда – очень дорогую, но зато ему будет приятно здесь жить. Не исключено, что здесь он снова станет нормально спать, есть, плавать в бассейне и даже играть в теннис, если, конечно, найдет подходящего партнера. О том, чтобы пригласить на гейм-другой Купера Уинслоу, и речи быть не могло, но ведь сказал же риелтор, что сдал флигель какому-то молодому человеку...

– Он часто здесь появляется? – спросил Марк, имея в виду Купа.

– Мистер Уинслоу много путешествует, именно поэтому он и решил пустить жильцов, – повторил риелтор то, что слышал от Лиз. – И ему бы хотелось, чтобы во время его отсутствия в поместье оставался еще кто-то, кроме прислуги.

Марк кивнул и посмотрел на Эйба, который заговорщически ему подмигнул. Бухгалтер сразу понял, от кого исходит эта версия. Верная Лиз не могла позволить, чтобы хоть кто-то догадался, что ее патрон едва сводит концы с концами. Именно поэтому она не сказала риелтору, что очень скоро в поместье не останется вообще никакой прислуги, кроме единственной горничной.

– Что ж, это понятно, – проговорил Марк с самым серьезным видом и в свою очередь подмигнул Эйбу, чтобы показать, что он не забыл ничего из того, что тот говорил ему о финансовом положении суперзвезды. Они часто обменивались подобной конфиденциальной информацией, это был их хлеб, но дальше эти сведения никогда не уходили.

– Скажите, мистер Фридмен, вы женаты? – спросил тем временем риелтор. Он хотел только убедиться, что у Марка нет десяти детей, что, впрочем, казалось весьма маловероятным. Ведь его привез сюда личный бухгалтер Купа, следовательно, его можно было проверять не особенно тщательно, что существенно упрощало дело.

Услышав этот невинный вопрос, Марк вздрогнул, как от удара хлыстом.

– Я... нет, то есть... Мы расстались, – выговорил наконец он и едва не поперхнулся – так тяжело дались ему эти слова.

– А ваши дети живут с вами?

– Нет, они живут в Нью-Йорке, с... с матерью, – сказал Марк, чувствуя, как колотится его сердце, буквально разрывается от боли. – Вероятно, я буду ездить к ним, чтобы повидаться... – добавил он через силу. – Они могут приезжать ко мне только во время каникул, а ведь вы знаете детей... в любом возрасте они предпочитают друзей родителям. Я буду счастлив, если они побывают у меня хотя бы один раз за весь год.

Лицо его сделалось печальным, но риелтор вздохнул с облегчением. Он помнил предупреждение Лиз, что Куп недолюбливает детей. Если не считать этого, Марк казался ему идеальным жильцом: одинокий, хорошо воспитанный, обеспеченный джентльмен, который вряд ли станет устраивать у бассейна шумные оргии с женщинами и кокаином. А дети... дети, может быть, еще и не приедут.

– Я согласен! – внезапно объявил Марк, и Эйб, вздрогнув от неожиданности, поглядел на друга. Но лицо Марка светилось улыбкой. Глядя на него, даже риелтор улыбнулся; впрочем, у него-то были все основания радоваться. Всего за два дня он сумел сдать и флигель, и гостевое крыло за очень приличную цену. Больше десяти тысяч он назначить так и не решился, да и Лиз говорила ему, что Куп будет очень доволен, если его собственность будет приносить ему двадцать тысяч долларов в месяц.

А Марк продолжал улыбаться. Теперь ему уже не терпелось поскорее выписаться из отеля и перебраться сюда. Риелтор сказал, что он может въехать дня через три – после того, как выпишет чек, а слуги приведут в порядок комнаты.

– Хорошо, – согласился Марк, с трудом сдерживая нетерпение. – Я въеду в конце недели.

Потом он пожал риелтору руку и, крепко обняв Эйба, поблагодарил его за то, что он подумал о нем и привез посмотреть «Версаль».

– Я рад, что из этого что-то вышло, – улыбнулся бухгалтер. – Но все сложилось даже лучше, чем я рассчитывал. – Он был почти уверен, что Марк будет долго раздумывать и в конце концов откажется, но в «Версаль», как видно, просто нельзя было не влюбиться.

– Наверное, это самый безумный поступок за всю мою жизнь, – признался Марк, когда они с Эйбом ехали назад. – Но человек, наверное, должен иногда совершать безумства.

Для него это было новое, почти безумное решение. Марк всегда старался поступать взвешенно, обдуманно, рационально; теперь же ему казалось, что именно поэтому он и потерял Дженнет. Должно быть, по сравнению с другими мужчинами он выглядел самым настоящим занудой, и в конце концов она не выдержала.

– Спасибо, Эйб, – снова поблагодарил он старого бухгалтера. – Мне действительно очень понравилась новая квартира, и я думаю – дети будут от нее в восторге. Боюсь только, что, если я проживу здесь целый год, я привыкну к роскоши и не захочу никуда уезжать. И мистеру Уинслоу придется выкидывать меня с полицией.

– Я думаю, подобная перемена обстановки пойдет тебе только на пользу, – отозвался Эйб. – Во всяком случае, я на это надеюсь.

Вечером Марк позвонил в Нью-Йорк и рассказал Джессике и Джейсону об апартаментах, которые он снял в гостевом крыле у самого Купера Уинслоу.

– А кто это? – удивленно спросил Джейсон.

– Мне кажется, это такой очень старый актер, который снимался в кино, когда папа был маленький, – объяснила Джессика, которая взяла трубку второго аппарата.

– Ты совершенно права, – подтвердил Марк. – Но это не главное. Главное, что дом действительно великолепен. Вокруг настоящий парк с теннисным кортом и бассейном, и у нас будет отдельный вход. Если бы видели, какие там комнаты, вы бы сразу влюбились в эту новую квартиру. Я уверен – когда вы приедете, вам здесь понравится.

– Я скучаю по нашему дому, – мрачно сказал Джейсон.

– А мне очень не нравится в новой школе, – пожаловалась Джессика. – Здесь все девчонки такие злючки, а мальчишки – просто дегенераты.

– Потерпите немного. Быть может, на самом деле все не так уж плохо, – дипломатично сказал Марк. Это не он ушел из семьи, не он перевез детей в Нью-Йорк, но обвинять в чем-то Дженнет ему не хотелось. Марк считал, что, какие бы чувства он ни питал к своей бывшей жене, ему следует держать их при себе. Их отношения детей не касались. – Чтобы привыкнуть к новой школе, нужно время, – добавил он. – К тому же я скоро приеду, и мы обо всем поговорим.

Марк уже решил, что полетит в Нью-Йорк в последний уикенд февраля. В марте у детей начинались каникулы, и он давно решил, что они поедут вместе на Карибы и, может быть, даже возьмут напрокат небольшую яхту. Это, считал Марк, поможет детям развеяться, да и ему не мешало бы ненадолго вырваться из каждодневной рутины.

– Как там мама? – спросил он.

– Хорошо, только ее часто не бывает дома, – сердито сказал Джейсон. Ни он, ни сестра ни словом не обмолвились об Эдаме, и Марк догадался, что Дженнет еще не познакомила их со своим любовником. Очевидно, она ждала, пока дети немного придут в себя после бурных событий последних четырех недель. По любым меркам это был очень небольшой срок, но Марку он показался вечностью.

– Зачем ты переехал, разве нельзя было жить в нашем старом доме? – спросила Джессика, и Марк объяснил, что он только на днях его продал. Эта новость сразила обоих. Сначала Джесс и Джейсон потрясенно молчали, потом начали плакать. На том разговор и закончился, и, вешая трубку, Марк с горечью подумал, что еще ни разу их многочисленные телефонные переговоры не принесли облегчения ни ему, ни детям.

Интересно, задумался Марк, как она представит детям своего любовника? Скорее всего, ей придется сказать, что они только недавно познакомились. И пройдет довольно много времени – быть может, годы, – прежде чем дети узнают подлинные причины развода родителей. А до тех пор, пока это не произойдет,

они будут винить во всем его одного. Думать об этом ему было грустно, но Марк был бессилён что-либо изменить. Ведь не мог же он заявить детям, что их мать бросила его ради другого мужчины. Правда, если смотреть со стороны, все выглядело именно так, однако Марк считал, что, во-первых, приличия необходимо соблюдать при любых обстоятельствах, а во-вторых, он и сам чувствовал себя виноватым. Быть может, если бы он не был таким скучным, заурядным человеком, Дженнет не оставила бы его.

Но больше всего Марк боялся, что, когда дети наконец познакомятся с Эдамом, он понравится им так же сильно, как и их матери. Они, разумеется, были не настолько малы, чтобы звать папой постороннего мужчину, однако на стороне Эдама был так называемый фактор присутствия. Если он поселится вместе с Дженнет и детьми, им волей-неволей придется общаться с ним гораздо чаще, чем с родным отцом, который живет от них в трех тысячах миль и может приезжать только изредка.

Но прошло сколько-то времени, и Марк приободрился. Не так страшен Эдам, как его малюют, рассудил он; быть может, со временем все уладится. И с этой мыслью он позвонил в службу расселения отеля и сообщил, что освободит номер к воскресенью. Ему очень нравилась его новая «берлога», как он мысленно окрестил гостевое крыло «Версаля», и Марк с нетерпением ждал переезда. С тех пор как Дженнет ушла от него, это было, наверное, первое радостное событие в его жизни. Весь последний месяц Марк жил словно в густом тумане, и вот сквозь него проглянул робкий лучик надежды. Во всяком случае, теперь он готов к переменам.

И прежде чем лечь спать, Марк спустился в «Макдоналдс» и съел два гамбургера. Впервые за много недель он почувствовал себя по-настоящему голодным.

В пятницу вечером Марк пораньше ушел с работы и уложил в чемоданы всю свою одежду. В субботу утром он был уже у ворот поместья. Риелтор передал ему ключи и сообщил секретный код, запирающий ворота. Открыв их, Марк не спеша поехал по подъездной дорожке к дому.

Когда он вошел в гостевое крыло, то сразу заметил, какая здесь царит чистота. Дорожки и ковры были тщательно вычищены, мебель сияла блеском, кровать была застелена свежими простынями. Здесь было так уютно, что у Марка даже появилось ощущение, будто после долгого путешествия он вернулся домой.

Распаковав вещи, он отправился пройтись. Марк немного погулял по парку, потом вышел за ворота и, купив в супермаркете все необходимое, приготовил себе поесть. После обеда он переоделся и отправился к бассейну, чтобы немного позагорать. Он был в отличном настроении, когда часа в три пополудни решил позвонить детям.

В Нью-Йорке был поздний вечер субботы, на улице валил снег, и Джессика и Джейсон не знали, куда деваться от скуки. Сидеть дома взаперти им надоело. Дженнет снова куда-то ушла (встретиться с друзьями, как она объяснила детям), и они остались в квартире одни. Джессика решила принять ванну, и Джейсон сказал, что ему совершенно нечего делать. Он скучал по отцу, по их старому дому, по своим прежним друзьям и старой школе. Нью-Йорк ему по-прежнему не нравился. Джейсон даже сказал, что «этот город его душит», и Марк понял, что сын начитался популярной литературы, чего раньше за ним не замечалось.

– Не унывай, сынок, – сказал ему Марк. – Через пару недель я приеду, и мы что-нибудь придумаем. Ты играл на этой неделе в футбол?

Он изо всех сил старался отвлечь сына, но Джейсон продолжал жаловаться.

– Сейчас никто не играет в футбол, потому что в Нью-Йорке идет этот дурацкий снег, – заявил он. Джейсон был настоящим калифорнийцем, он жил в Лос-Анджелесе с трех лет и не представлял себе ни снега, ни холодов. Ему казалось дикостью, что, прежде чем выйти на улицу, людям приходится надевать свитер, напяливать куртку и теплую шапку. Больше всего на свете он хотел вернуться в Калифорнию, которую считал своим домом и лучшим местом на Земле.

Они поболтали еще немного, потом Марк передал привет Джессике и положил трубку. Заглянув в кухню, он уточнил, где что лежит, и решил посмотреть видео. На кассете, которую он наугад снял с полки, был записан фильм, в котором у Купера была небольшая роль. Выглядел он очень импозантно, и Марк невольно подумал, удастся ли ему познакомиться с Купером поближе. Когда днем он возвращался из магазина, по подъездной дорожке проехал «Роллс-Ройс» с открытым верхом, но Марк был слишком далеко от автомобиля и сумел разглядеть только седовласого мужчину за рулем и очаровательную девушку рядом с ним.

Если это Куп, подумал Марк, то он, по всей видимости, ведет весьма интересную и разнообразную жизнь. Сам Марк за шестнадцать лет супружеской жизни ни разу не изменил Дженнет, и даже теперь ему было трудно представить, как он будет встречаться с другими женщинами. Да ему и не хотелось ни с кем встречаться. Единственное, о чем Марк мог думать более или менее спокойно, это о детях, так что на данный момент в его жизни не было места для другой женщины. То есть в жизни-то, может быть, и было, но не в сердце.

В эту первую ночь в новой квартире Марк спал крепким и спокойным сном. Ему приснилось, что дети живут с ним, и он проснулся отдохнувшим. Такой вариант дальнейшего устройства жизни казался Марку идеальным, так как он понимал, что, переехав в гостевое крыло особняка, он лишь сменил гостиничный номер на роскошные апартаменты. И Марк дал себе слово, что постарается что-нибудь придумать.

С мыслями о детях и о том, что он увидится с ними через две недели, Марк отправился на кухню, чтобы приготовить себе завтрак, и с удивлением обнаружил, что плита не работает. Мысленно он пообещал себе, что в ближайшие дни сообщит об этом риелтору, однако по большому счету ему было все равно. Марку достаточно было апельсинового сока и тостов. Он вообще не собирался готовить; другое дело, когда приедут дети, ему придется кормить их как следует.

А в это время Куп на хозяйской половине дома столкнулся со сходными проблемами. Его повар нашел себе новое место и уехал; еще раньше улетел в Европу Ливермор. Обе горничные были выходными, на следующей неделе они тоже переходили на новые места. Слуга, исполнявший обязанности официанта, уже работал у какого-то телеведущего. Паломы взяла выходной, так что готовить ему завтрак пришлось Памеле, что она и сделала, накинув на голое тело одну из его рубашек. Памела утверждала, что в кухне она – Копперфильд и Гудини, вместе взятые, и, глядя на твердую, как резиновый коврик, яичницу и пережаренный бекон, которые она подала ему прямо в постель, Куп готов был поверить, что Памела получила еду путем сложных магических преобразований.

– Ты у меня умница, – сказал Куп, опасливо косясь на еду. – А что, разве ты не нашла подноса?

– Какого подноса, дорогой? – проворковала Памела, растягивая слова на оклахомский манер. Она так гордилась собой, что напрочь забыла подать не

только поднос, но прибор и салфетки. Пока она ходила за ними, Куп осторожно поковырял яичницу ногтем. Она оказалась не только жесткой, но и холодной (приготовив ее, Памела минут двадцать болтала с подружкой по телефону), и Куп решил, что он, пожалуй, все-таки не голоден.

Очевидно, понял он, кулинария не является сильной стороной Памелы. Если она и была в чем-то настоящей волшебницей, так это в сексе. Жаль только, что с ней совершенно невозможно было разговаривать. Памела могла говорить часами только об одном предмете – о себе самой: о своих ч?дных волосах, о макияже, увлажняющих кремах, белье, о размерах собственного бюста и последней фотосессии, в которой ей довелось принять участие. Интересы ее этим и ограничивались, но Купу она нравилась отнюдь не широким кругозором и умением вести содержательную беседу. Ему было приятно ласкать ее – вот и все. В молодых девушках Куп находил нечто, что воодушевляло его, бодрило, придавало дополнительные силы. И надо сказать, что он умел им нравиться, несмотря на свой возраст. Куп был с ними галантен, обходителен, весел и щедр, что открывало ему путь к абсолютному большинству сердец. Памелу он возил по магазинам и бутикам чуть ли не каждый день, и она не раз признавалась, что еще никогда ее жизнь не была такой интересной. То, что Купер годился ей в дедушки, Памелу нисколько не смущало. Главное, с ним она полностью обновила свой гардероб, получила в подарок бриллиантовые сережки и бриллиантовый браслет и была совершенно уверена, что никто не умеет жить с таким размахом, как знаменитый Купер Уинслоу.

Пока Памела ходила за апельсиновым соком, Куп спустил яичницу в унитаз. Девушка ничего не заподозрила и была очень горда тем, что он съел ее стряпню. После того как Памела тоже поела, они с Купом снова легли в постель и провели там несколько часов. Уже ближе к вечеру Куп повез ее ужинать в «Купол» – после «Спаго» это было ее любимое место. Памеле очень нравилось, когда посетители глазели на них и, узнавая Купа, гадали, кто эта юная красавица, которую держит под руку знаменитый мистер Уинслоу. Мужчины завидовали Купу, что касалось женщин, то они, как правило, лишь удивленно приподнимали брови, но Памела все равно была в восторге.

После ужина Куп отвез Памелу домой. Ему было хорошо с ней – даже лучше, чем с другими, но впереди у него была напряженная неделя. Во-первых, Куп снимался в рекламе автомобилей, за что ему был обещан щедрый гонорар. Во-вторых, это была последняя неделя Лиз у него на службе.

Ложась вечером спать, Куп был почти счастлив, что рядом с ним в постели никого нет. Памела неплохо развлекала его, но Куп знал, что удовольствием – даже таким изысканным, какое доставляла ему Пэмми, – злоупотреблять не стоит. В конце концов, она была молода и могла без всякого ущерба для себя не спать несколько ночей подряд, чего нельзя было сказать о нем. Куп очень хорошо знал, где проходит граница, которую ему лучше не переходить. Чтобы восстановить силы, ему необходим был крепкий, здоровый сон. Уже в десять часов Куп погасил свет и спал как убитый до того самого момента, когда вошедшая в спальню Палома отдернула занавески и подняла жалюзи и в глаза ему ударило яркое солнце. Вздрогнув, Куп резко сел на кровати и уставился на горничную.

– Кто ты? Что ты здесь делаешь? – Он никак не мог сообразить, с чего это незнакомая девица ворвалась к нему в комнату и разбудила его. Хорошо еще, что вчера вечером он надел пижаму, хотя имел обыкновение спать голым. Хорошо бы он был сейчас!

– Что тебе здесь нужно? – снова спросил Куп, немного приходя в себя.

– Мисс Лиз велеть разбудить вас в восемь, – ответила Палома, дерзко глядя на него. Сегодня на ней было аккуратное платье с кружевным крахмальным передничком, темные очки, украшенные россыпью фальшивых бриллиантов, и ярко-красные туфли на высоком каблуке. Она в таком наряде походила на медсестру, и Куп страдальчески сморщился. Палома ему активно не нравилась. Впрочем, он тоже не вызывал у нее теплых чувств, это было видно невооруженным глазом.

– Неужели ты не знаешь, что, прежде чем войти, надо стучаться? – спросил Куп и, закрыв глаза, снова упал на подушки. Когда Палома разбудила его, ему снилось что-то очень забавное... кажется, про Веру Харпер, и он был не прочь досмотреть сон до конца.

– Я стучаться, но вы не ответить – вот я и войти. А теперь вставайте – мисс Лиз говорить, вам надо работа.

– Благодарю, ты очень любезна, – пробормотал Куп, не открывая глаз. – Слушай... как тебя... Палома, будь добра, приготовь мне завтрак. – Насколько ему было известно, в доме не осталось ни одного человека, кто мог бы это

сделать на профессиональном уровне. – Я хочу омлет и тосты. И кофе. И апельсиновый сок.

Выходя из комнаты, Палома пробормотала себе под нос что-то неодобрительное, и Куп не сдержал разочарованного стога. Ему вдруг стало совершенно ясно, что Палома почему-то невзлюбила его. Ну почему, почему Эйб решил оставить именно ее? Ведь с первого взгляда видно: ей бы за свиньями ухаживать, а не за... (Тут Куп невольно засмеялся.) Впрочем, понятно почему... Маленькая сальвадорка обходилась чуть ли не вдвое дешевле, чем породистые француженки, за спинами которых к тому же стоял профсоюз. Палома тоже состояла в профсоюзе, но Куп сомневался, что она станет скандалить и качать права, даже если ей придется работать сверхурочно. Другое дело, что она вообще умеет делать?.. Он по-прежнему боялся доверять ей свои лучшие костюмы стоимостью от пяти до восьми тысяч долларов каждый – уж лучше ходить в джинсах и ковбойке, как Ковбой-Мальборо, чем рисковать штучными произведениями Валентино и Росси.

Впрочем, когда Куп вышел из душа, поднос с завтраком уже стоял возле его кровати. Омлет, вопреки ожиданиям, оказался вполне съедобным, хотя Куп и узнал его не сразу. Омлет Палома приготовила на свой лад – по-крестьянски, и Куп хотел сказать ей, что просил нечто совсем другое, однако блюдо оказалось настолько вкусным, что Куп сам не заметил, как съел все.

Через полчаса он был уже готов к выходу. Как всегда, безупречно причесанный, одетый в элегантный блейзер, серые слаксы, голубую рубашку и темно-синий галстук «Эрмес», он сел в свой любимый «роллс» и укатил. Следом за ним проехал по подъездной дорожке торопившийся на работу Марк. Глядя на открытую дорогую машину, он гадал, куда мог отправиться Купер Уинслоу в такую рань, и не мог придумать ничего подходящего. Марк был уверен, что актеры, в особенности – знаменитые, ведут исключительно ночную жизнь, и в восемь утра Куп должен был ехать в «Версаль», а не из него.

У ворот они встретили Лиз, которая помахала обоим. Ей все еще не верилось, что это ее последняя неделя у Купа.

Эти последние дни имели для Лиз горько-сладкий привкус. Еще никогда Куп не был так внимателен к ней и так щедр. Он подарил Лиз кольцо с бриллиантом, которое, как он уверял, принадлежало еще его матери, но к подобным заявлениям с его стороны Лиз всегда относилась скептически. Но чьим бы ни было это кольцо, оно было очень красивым и очень ей понравилось, и Лиз пообещала, что будет носить его, не снимая.

В пятницу вечером Куп повел ее в «Спаго». Это был прощальный ужин, и Лиз позволила себе выпить немного больше обычного. Должно быть, поэтому она расчувствовалась и всплакнула. Лиз знала, что ей будет очень не хватать Купа, однако в глубине души она уже смирилась с неизбежным расставанием, утешаясь тем, что поступает правильно.

Поздно вечером Куп отвез ее домой и вернулся к себе, где его уже ждала очередная подружка. Памела уехала на съемки в Милан, и ее место заняла Шарлен, с которой Куп встретился во время работы над рекламным роликом автомобильной фирмы. Шарлен была наделена сногшибательной внешностью, и Куп обратил на нее внимание почти сразу, хотя, по его понятиям, она была старовата – ей было двадцать девять. Этот недостаток, впрочем, полностью искупался тем обстоятельством, что такого тела, как у нее, Куп не видел уже лет пять. Немного поразмыслив, он решил, что Шарлен достойна находиться среди его трофеев, и пригласил ее к себе.

У Шарлен были огромные груди (настоящие, как она утверждала) и такая тонкая талия, что ее, казалось, можно было обхватить пальцами одной руки. Смуглая кожа, длинные черные волосы и зеленые, как у кошки, чуть раскосые глаза (ее бабушка по отцу была японкой) делали ее облик экзотическим, запоминающимся, но и безусловно красивым. Чуть ли не впервые в жизни Куп поймал себя на том, что ему трудно оторвать взгляд от ее лица.

Но и Куп сумел очаровать Шарлен своей непринужденностью, изысканными манерами и безупречной внешностью. Общаясь с ней, Куп с радостью обнаружил, что она намного умнее Памелы. Пока они снимались, Шарлен успела рассказать ему, что она два года жила в Париже – занималась модельным бизнесом и одновременно училась в Сорбонне. Выросла она в Бразилии, и это тоже наложило свой отпечаток на ее манеры и характер. Неистовая, страстная натура (такой, во всяком случае, она ему показалась), Шарлен легла с ним в постель уже на второй день знакомства. В постели она была неподражаема и

сумела скрасить Купу скучную рутину съемок. Завороженный ее сексуальными талантами, Куп пригласил ее в «Версаль» на уикенд, и Шарлен с готовностью согласилась.

Когда после ужина с Лиз Куп вернулся домой, Шарлен уже лежала в постели, и он, недолго думая, присоединился к ней, изменив своим правилам. Куп ни на секунду не пожалел об этом. Они провели весьма насыщенную ночь, в субботу поехали обедать в Санта-Барбару, а ужинать вернулись в «Л'Оранжери». Общество Шарлен с каждым часом нравилось Купу все больше и больше (он уже решил, что непременно свозит ее в «Отель дю Кап», где принято загорать без лифчика), и он начал задумываться о том, как бы ему сбить с рук Памелу. Шарлен была для него гораздо более интересным партнером, и не только в сексуальном плане. Разговаривая с ней, Куп даже готов был признать, что возраст далеко не всегда портит женщину.

Шарлен все еще была у него, когда в понедельник утром вышла на работу Палома. Куп попросил ее подать им завтрак в постель, но когда Палома наконец принесла подносы, лицо ее выражало крайнюю степень неодобрения. Она почти швырнула им завтрак и, смерив Купа уничтожающим взглядом, вышла за дверь, стуча по паркету каблучками своих экстравагантных ярко-красных туфель.

– Похоже, я ей не понравилась, – заметила Шарлен, когда дверь за Паломой закрылась. – Мне кажется, она не одобряет наше поведение.

– Не обращай внимания, дорогая. Палома по уши в меня влюблена, вот и ревнует. Не удивлюсь, если она подложит бомбу в мой «Роллс-Ройс», – пошутил Куп и попытался вонзить вилку в яичницу, но это удалось ему не сразу. По консистенции яйца напоминали успевший затвердеть бетон, к тому же они были так щедро посыпаны красным перцем, что Куп едва не поперхнулся, а Шарлен чихнула.

– Похоже, Палома решила меня отравить, – разочарованно протянул Куп, рассчитывавший получить вкуснейшую яичницу по-крестьянски, какой Палома потчевала его на прошлой неделе. Похоже, этот раунд остался за горничной, но Куп решил, что серьезно поговорит с Паломой при первой же возможности.

Возможность представилась ему только после обеда, когда Шарлен наконец уехала.

– Интересный сегодня был завтрак, Палома, – сказал Куп, зайдя в кухню, где Палома чистила столовое серебро. – Вот только с перцем ты перестаралась. А что ты добавила в яйца – цемент или клей для обоев? Чтобы разрезать их, мне понадобилась электрическая пила!

– Не понимать, о чем вы, – покачала головой Палома, полируя ножи кусочком замши. Она снова была в солнечных очках, которые, несомненно, ей очень нравились. Как и красные туфли. Интересно, подумал Куп, можно ли призвать ее к дисциплине, или эта задача невыполнима в принципе? Если верно последнее, то он просто уволит ее.

– Вам не понравится моя яичница? – с самым невинным видом осведомилась Палома, и Куп оскалился:

– Ты меня прекрасно поняла, Палома. Смотри, чтобы это больше не повторялось, иначе...

– Между прочим, сегодня утром вам звонила из Италии мисс Памела. Это было без четверти восемь, – небрежно заявила Палома, и у Купа отвисла челюсть. Ее акцент куда-то пропал, речь стала правильной, как у коренной американки.

– Ч-что ты сказала? – переспросил он.

– Я сказать, мисс Памела звонить вам Италия восемь часов утром, – повторила Палома, награждая его ангельской улыбкой. Она дразнила его, и Куп почувствовал, что краснеет.

– Но ведь... Минуту назад ты говорила совершенно правильно! – воскликнул он. – Что все это значит?! Зачем ты притворяешься? – Куп разозлился, и Палома на секунду смутилась, но тотчас выражение ее лица снова стало дерзким.

– А чего бы вы хотели? В первые два месяца, что я у вас работала, вы звали меня то Марией, то Мэри, хотя мисс Лиз представила меня вам как положено. Неужели так трудно запомнить имя человека, пусть даже этот человек всего-навсего горничная? – В ее манере произносить отдельные согласные слышался легкий сальвадорский акцент, но во всем остальном речь Паломы была такой же правильной, как у него, и Купер смутился на мгновение.

– Должно быть, я в тот момент, гм-м... думал о чем-то важном и не расслышал, – извинился он и тут же улыбнулся самой очаровательной улыбкой, на которую только был способен. Палома ловко провела его, притворившись полуграмотной иммигранткой, не способной связать по-английски и двух слов. Что ж, она, несомненно, умна, подумал он. Кроме того, она, кажется, умеет отлично готовить...

– Кем ты была у себя в Сальвадоре, Палома? – спросил он, неожиданно почувствовав к горничной живой интерес. Палома едва не вывела его из себя, он рассердился и... неожиданно увидел в ней человека, личность. Единственное, чего Куп пока не знал, так это того, нравится ему это или нет. Для начала он только хотел утолить свое любопытство.

– Я была медицинской сестрой, – ответила Палома, складывая ножи в ящик. Чистить серебро было нелегко; обычно этим занимался Ливермор, и теперь Паломе не хватало дворцового едва ли не больше, чем Купу.

– Жаль. – Куп криво улыбнулся. – Было бы лучше, если бы ты оказалась портнихой или кем-то в этом роде – тогда бы ты смогла как следует заботиться о моих костюмах. Ну а в услугах медсестры я, слава богу, пока не нуждаюсь.

– Горничная здесь зарабатывать больше, чем врач Сальвадор. – Палома снова заговорила на ломаном английском. Ей явно нравилось его дразнить. – А у вас слишком много одежда.

– Это весьма ценное замечание, я постараюсь его учесть, – холодно сказал Куп. – Кстати об одежде... – Он покосился на ее красные туфли, но почел за благо промолчать. – Почему ты не сказала мне, что Памела звонила? – спросил он. Куп уже решил, что Шарлен интересуется его больше, но не в его правилах было бросать любовниц просто так – без объяснений и видимых причин. Расставаясь с очередной пассией, он всегда старался сохранить с ней добрые, дружеские отношения и проявлял подчас такую щедрость, что они охотно прощали ему измену. Куп был уверен, что и Памела не будет сердиться на него слишком долго.

– Потому что, когда она звонила, в вашей постели была другая, мистер Уинслоу, – отчеканила Палома. – Как ее там...

- Ее зовут Шарлен, - подсказал Куп, и горничная кивнула:

- Да, Шарлен.

- Что ж, спасибо, Палома. - Куп решил прекратить разговор, пока горничная не сказала ему еще какой-нибудь дерзости, и поспешно вышел из кухни. Палома никогда ничего не записывала и сообщала ему о звонках, только когда ей самой этого хотелось. Куп не был уверен, хочет ли он, чтобы так продолжалось и дальше, но сомневался, что ему удастся что-нибудь сделать. Впрочем, при всей своей дерзости и независимости Палома, похоже, прекрасно разобралась, чьи звонки для него важны, а чьи - не очень, и он почти не волновался, что не поговорит с кем-то нужным. Другое дело - сама Палома. С каждым днем она интересовала его все больше и больше.

Между тем Палома успела познакомиться с Марком и даже предложила стирать для него, когда он пожаловался, что стиральная машина в гостевом крыле не в порядке. Кроме плиты и стиральной машины, не работала еще и кофеварка, и Палома разрешила Марку пользоваться хозяйской кухней, заверив его, что Куп никогда туда не заходит, а предпочитает завтракать в постели. Она даже дала ему ключ от двери, через которую можно было пройти в кухню из гостевого крыла, чтобы Марк мог пользоваться кофеваркой и в ее отсутствие. Это было довольно удобно, но Марк тем не менее составил список всех обнаруженных им неполадок и отправил риелтору. Тот обещал, что все будет исправлено в самое ближайшее время, но Лиз уже уволилась, а кроме нее, заняться этими проблемами было некому. Не Купу же, в самом деле, звонить в ремонтную службу и просить прислать мастеров!

Впрочем, спешить Марку было некуда. Одежду он сдавал в чистку, белье и полотенца стирала Палома, а кофе по субботам и воскресеньям он мог готовить в кофеварке Купа. Вместо плиты Марк с успехом использовал микроволновку. Плита могла ему понадобиться, только когда к нему приедут дети, но он был уверен, что до этого момента она будет приведена в порядок, даже если ему придется заняться этим самому. Так Марк и сказал риелтору, и тот снова пообещал решить этот вопрос в ближайшее время, но застать Купа дома оказалось практически невозможно. Он в эти дни снимался в рекламе жевательной резинки, что раньше не могло присниться ему и в кошмарном сне. И сейчас Куп едва не отказался, но контракт был очень выгодным, и агент в конце концов уговорил его согласиться. В последнее время Куп вообще проявлял большую активность, но, кроме рекламы, других предложений ему, увы, не

поступало. Его агент из кожи вон лез, чтобы достать Купу сколько-нибудь заметную роль, но все было тщетно. Куп хотел играть только романтических героев, но для этого он был уже староват, а представлять на экране в лучшем случае отца, а в худшем – деда главного героя (что ни говори, это все же была роль второго плана) он был психологически не готов. Между тем за всю историю Голливуда не было случая, чтобы главным героем кассового фильма стал семидесятилетний плейбой.

Всю последующую неделю Шарлен бывала в «Версале» почти каждую ночь. Она тоже хотела получить приличную роль, но ее успехи были гораздо скромнее, чем у Купа. Шарлен была никому не известна, а весь ее актерский опыт сводился к съемкам в двух откровенно порнографических фильмах, упоминать о которых ей не советовал даже ее агент. Уже несколько раз она просила Купа помочь ей получить хорошую роль, и он пообещал поговорить со знакомыми продюсерами, однако исполнять свое обещание не торопился. У Шарлен было великолепное тело, и она превосходно смотрелась в белье, которое рекламировала по заказу домов моды с Седьмой авеню, но Куп не был уверен, что она способна по-настоящему играть. Шарлен уверяла его, что в Париже она пользовалась успехом и как фотомоделль, но за все время их знакомства так ни разу и не показала ему свое портфолио. Нельзя было сказать, впрочем, что Шарлен была совершенно бесталанной; напротив, таланты у нее были, но Купу больше нравилось, когда она проявляла их в его постели.

Между тем с каждым днем Шарлен увлекала его все больше и больше, и Куп только вздохнул с облегчением, когда вернувшаяся из Милана Памела сообщила ему, что у нее роман с фотографом, с которым она работала. Проблема, таким образом, решила сама собой, на что Куп втайне рассчитывал с самого начала. В мире, в котором он вращался, бурные романы, кратковременные связи и легкие расставания были в порядке вещей, и только когда Куп встречался со знаменитой актрисой или известной моделью, он позволял себе намекнуть прессе на возможную помолвку и даже свадьбу, что, впрочем, было лишь отработанным рекламным ходом. Ни на Памеле, ни на Шарлен, ни на ком бы то ни было Куп жениться никогда и не собирался. Все его романы были лишь способом приятно провести время и доставить удовольствие партнерше, что он и делал. Уже дважды Куп возил Шарлен по магазинам и бутикам. Результатом этих импровизированных шоп-туров явился нелicenseприятный разговор с Эйбом, так как подарки, которые он сделал своей подружке, «съели» оба чека, полученные им от жильцов, практически без остатка. В ответ на упреки своего бухгалтера, который специально позвонил ему по телефону, чтобы напомнить о необходимости строжайшей экономии, Куп заявил, что «Шарлен этого

заслуживает».

– Я ведь предупреждал тебя, Куп, если так будет продолжаться и дальше, – жестко сказал Эйб, – тебе придется продать «Версаль». Ты этого хочешь? И вообще, Куп, хватит тебе возиться с никому не известными актрисами и нищими моделями. Тебе нужно найти богатую вдовушку и жениться на ней. Я говорю совершенно серьезно!

В ответ Куп рассмеялся и сказал, что подумает, хотя на самом деле не собирался предпринимать ничего подобного. Всю жизнь он играл, играл и на экране, и в жизни, и это его вполне устраивало. Даже теперь он не видел причин, по которым он был бы должен изменить своим склонностям и привычкам.

В последний уикенд февраля Марк, как и планировал, уехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться с детьми. Накануне он рассказал о них Паломе, когда та пришла убратся в гостевом крыле. Паломе стало настолько жаль Марка, что она наотрез отказалась брать деньги за уборку, но Марк настоял на своем. Еще раньше Палома узнала, что жена ушла от него к другому мужчине, и стала оставлять для него в кухне свежие фрукты и время от времени пекла тортильи. Палома с удовольствием слушала рассказы Марка о детях. Ей было очевидно, что Марк от них без ума и готов на любое самопожертвование, лишь бы им было хорошо. Как они выглядят, Палома тоже хорошо представляла: чуть не в каждой комнате гостевого крыла стояли и висели фотографии, на которых дети были сняты с Марком или отдельно. Было также несколько фотографий Дженнет, из чего Палома заключила, что Марк все еще любит свою бывшую жену.

Она не ошиблась. Это действительно было так, и все же визит в Нью-Йорк дался Марку очень нелегко. С тех пор, как он в последний раз виделся с детьми – а это было еще в Лос-Анджелесе, – прошло уже больше месяца, однако Дженнет считала, что Марк должен был дать им больше времени, чтобы освоиться на новом месте. Встретила она его холодно, почти враждебно, но Марк догадался – Дженнет ужасно нервничает. Она до сих пор ничего не сказала детям о существовании Эдама и теперь боялась, что Марк может проговориться. Эдам, со своей стороны, тоже дожимал ее вопросами, когда же наконец она познакомит его с детьми и они смогут жить вместе. Дженнет обещала, что это будет скоро, но продолжала откладывать решительный момент. Ей не хотелось, чтобы дети догадались – это она виновата в том, что им пришлось переехать в Нью-Йорк. Кроме того, Дженнет боялась, что Эдам не понравится детям или что они не примут его, храня верность отцу. Вот почему, когда Марк встретился с

ней, Дженнет держалась скованно, напряженно, и видно было, что она места себе не находит. У Джейсона и Джессики тоже был не особенно счастливый вид, но они, по крайней мере, были искренне рады приезду отца.

На время его визита в Нью-Йорк дети поселились вместе с ним в «Плазе». Марк водил их в театр и в кино; в субботу утром он повез Джессику по магазинам, а вечером они долго гуляли в Центральном парке под дождем, стараясь разобраться в ситуации. Не успел он оглянуться, как настал вечер воскресенья; Марку пора было возвращаться в Лос-Анджелес, а между тем он чувствовал, что ему так и не удалось восстановить с детьми прежние доверительные отношения. Джессика и Джейсон продолжали недоумевать, почему их семья – некогда такая дружная и счастливая – вдруг развалилась, а Марк не мог открыть им правду, да и роль «приходящего папы» была ему внове. В результате весь обратный перелет он чувствовал себя подавленным и несколько раз задумывался, не будет ли лучше для всех, если он переселится в Нью-Йорк поближе к детям.

Эти мысли не оставляли его всю неделю, и даже в следующие выходные, выйдя позагорать к бассейну, Марк все еще думал над своей, как ему казалось, неразрешимой проблемой. От мрачных раздумий его отвлек фургон-пикап, въехавший в главные ворота и свернувший на дорожку, ведущую к флигелю. «Ага, вот и новый жилец», – понял Марк и, встав с шезлонга, отправился вслед за машиной.

Когда он подошел к флигелю, Джимми уже выгружал из фургона коробки и ящики. Марк поздоровался и предложил ему свою помощь.

Несколько смутившись, Джимми ответил, что будет очень рад. Большую часть мебели и других вещей он сдал на долгосрочное хранение, оставив себе только фотографии в рамках, некогда завоеванные им кубки и призы, спортивное снаряжение, одежду, коллекцию магнитофонных записей и компакт-дисков, а также все музыкальное оборудование. И все равно коробок набралась целая гора, и даже вдвоем с Марком они разгружали фургон почти два часа и совсем выбились из сил. К тому моменту, когда работа была закончена, они уже познакомились, и Джимми пригласил Марка к себе выпить пива, на что тот с радостью согласился.

– Сколько коробок, и все такие тяжелые! – заметил Марк, потягивая пиво из высокого бокала с эмблемой, видимо, какого-то яхт-клуба. Бокал принадлежал

Купу и был из драгоценного венецианского стекла, а то, что Марк принял за эмблему яхт-клуба, было на самом деле гербом одного из родовитых итальянских семейств. – Что у тебя там – гантели или коллекция шаров для кеглей?

В ответ Джимми пожал плечами и улыбнулся:

– Будь я проклят, если знаю! До этого мы жили в небольшой двухкомнатной квартирке на Венис-Бич, а перед переездом большую часть вещей я отправил на хранение. Мне казалось – буду переезжать с одним-двумя чемоданами, но барахла набралось на целую машину.

Оказалось, все его книги, бумаги, бесчисленные компакт-диски прекрасно поместились в шкафах и чуланах, которых во флигеле было великое множество. Но прежде чем раскладывать вещи по местам, Джимми открыл самую большую коробку с фотографиями и, достав оттуда портрет Маргарет, поставил на каминную полку и долго стоял перед ним, глядя на любимое лицо. Это был один из самых любимых его снимков: на нем Маргарет была запечатлена на берегу озера в Ирландии, она только что поймала крупную рыбу, и ее лицо сияло счастьем и торжеством. Огненно-рыжие волосы Маргарет были собраны на макушке, глаза задорно блестели, и выглядела она не больше чем на шестнадцать лет. На самом же деле снимок был сделан всего за год до ее болезни, когда они в последний раз ездили в Ирландию, но Джимми казалось – с тех пор прошла целая вечность.

Он обернулся и наткнулся на взгляд Марка, который пристально за ним наблюдал.

– Красивая женщина, – сказал Марк. – Твоя подружка?

Джимми отрицательно покачал головой. Ему потребовалось сделать над собой немалое усилие, чтобы ответить, но в конце концов он проговорил негромко:

– Моя жена.

– Прости меня, ради бога! Как давно это случилось? – спросил он, решив, что Джимми и его жена расстались – совсем как он с Дженнет.

– Завтра вечером исполнится ровно семь недель, – ответил Джимми тихо. В глазах его заблестели слезы, которые он тщетно старался сдержать. Джимми еще никогда и ни с кем не говорил о смерти Маргарет, но он знал, что рано или поздно этого не избежать, к тому же Марк произвел на него хорошее впечатление. К тому же Джимми надеялся, что, живя по соседству, они в конце концов подружатся.

– А мы с Дженнет расстались полтора месяца назад, – мрачно сообщил Марк. – Она ушла от меня к... к другому мужчине. Теперь она живет в Нью-Йорке вместе с детьми. На прошлой неделе я их навещал, но... Мне их очень не хватает.

– Мне очень жаль, – с сочувствием выговорил Джимми. Он ясно видел в глазах Марка затаенную боль, которая могла сравниться разве только с его собственными страданиями. – Дети-то большие?

– Джейсону – тринадцать, а Джессике – пятнадцать. У меня отличные дети, Джимми, и они ненавидят Нью-Йорк. Если уж Дженнет суждено было полюбить другого, я бы предпочел, чтобы это оказался кто-то из местных. Тогда мне и детям было бы намного легче. Впрочем, они пока не знают, что у их матери кто-то появился. А у тебя есть дети?

– Нет. Мы с Маргарет только собирались завести малыша, но... не успели, – объяснил Джимми и сам удивился своей откровенности. Казалось, их с Марком объединяет что-то невидимое, но прочное и глубокое. Это была, несомненно, сходная боль сердец, острое чувство неожиданной потери и горя. Жизнь обошлась сурово с обоими, и поэтому подсознательно их потянуло друг к другу, как только они поделились пережитым.

– Что ж, может, это и к лучшему, – заметил Марк. – Мне кажется, в семьях, где есть дети, развод часто оборачивается трагедией, хотя, возможно, я ошибаюсь. – Он беспомощно пожал плечами, и Джимми внезапно понял, о чем думает его новый товарищ.

– Мы не развелись, – сказал он глухо.

– Тогда, может быть, еще не все потеряно и вы снова поладите, – с оптимизмом проговорил Марк. Он, впрочем, в этом сомневался – такой исход в его глазах был бы равнозначен чуду, но, как бы то ни было, он желал этого чуда для Джимми.

Но, бросив на него быстрый взгляд, он заметил в его глазах такую боль, что у него мороз пробежал по коже.

- Маргарет умерла, - глухо сказал Джимми.

- О господи!.. Извини меня, я не хотел... Я думал... Что с ней случилось? Автомобильная авария? - Он бросил взгляд на фотографию на каминной полке. Марку не верилось, что этой прекрасной и юной женщины, которая, смеясь, держит в руках серебристую рыбину, уже нет в живых. Это казалось ему невероятным, невозможным, и он подумал, что Джимми, должно быть, совершенно раздавлен этой потерей.

- Нет. Опухоль мозга. У Маргарет начались сильные головные боли... Она обратилась к врачам, но было уже поздно - они ничего не смогли сделать. Через два месяца ее не стало... - Джимми помолчал и добавил: - Обычно я не говорю об этом, но сегодня... Я уверен, ей бы очень понравился этот дом. Родители Маргарет были из Ирландии, из графства Корк, и она тоже была ирландкой до мозга костей. Такие дома можно встретить только там.

Сердце Марка разрывалось от жалости к Джимми. Но единственное, что он мог, это сочувствовать ему, поэтому Марк не стал тратить время впустую и помог Джимми разложить вещи по местам, оттащил на второй этаж с полдюжины тяжелых коробок. Некоторое время они почти не разговаривали, но к тому времени, когда все ящики были расставлены по комнатам и открыты, Джимми вполне овладел собой.

- Спасибо тебе за помощь, - сказал он, пожимая Марку руку. - Не знаю, сколько бы я возился один. Этот переезд... Знаешь, я до сих пор хожу как в тумане. У нас с Маргарет была отличная квартира, но мне было слишком тяжело там оставаться, вот я и решил перебраться на другое место. А тут подвернулся этот домик. Стоит он, конечно, недешево, но, мне кажется, я правильно сделал, что переехал именно сюда. Понимаешь, это... - Он не договорил, но Марк его отлично понял. Новое место, не связанное с горькими воспоминаниями, должно было подействовать благотворно на израненную душу Джимми.

- Я и сам никак не могу опомниться после своего переезда, - сказал он, отчасти чтобы утешить Джимми. - Мне пришлось продать наш старый дом, чтобы отдать половину денег Дженнет. Сам я переселился в отель поближе к работе, и в

первое время меня это устраивало. Я не обращал внимания на все те звуки, которые преследуют человека по ночам даже в очень хорошем отеле. Мне было все равно, но... Я давно знаком с одним человеком, он – личный бухгалтер нашего хозяина, Купера Уинслоу; он-то и предложил мне снять гостевое крыло в его усадьбе. Сначала я не хотел никуда переезжать, но стоило мне увидеть «Версаль», как я просто влюбился в него. Кроме того, я подумал, что, если дети приедут ко мне на каникулы, им будет здесь очень хорошо. И вот я здесь, и пока я очень доволен. Это все равно что жить в парке. Главное, теперь я сплю как ребенок, хотя в отеле я, бывало, не смыкал глаз до самой зари. Будет желание – заходи посмотреть, как я устроился – в моей квартире все совсем не так, как у тебя, но мне нравится. Надеюсь, моим ребятам понравится тоже. – Марк думал об этом почти постоянно с тех пор, как на прошлой неделе побывал в Нью-Йорке и понял, что дети так и не смирились с новыми обстоятельствами. Джессика постоянно ссорилась с матерью и даже грозилась уйти из дома. Джейсон, напротив, стал угрюмым, неразговорчивым и замкнулся в себе. Да и сама Дженнет была не в лучшей форме. Над ней постоянно довлело сознание того, что она разбила, поломала жизни близких ей людей, а новая счастливая жизнь никак не налаживается. И никто не мог сказать, чем все это закончится.

– Сейчас мне надо срочно принять душ, – сказал Джимми и улыбнулся Марку. – Я обязательно зайду к тебе, когда ты будешь дома. Кстати, ты играешь в теннис? Если хочешь, мы могли бы после обеда сыграть. – Он не брал в руки ракетку с тех пор, как умерла Маргарет, но сейчас Джимми чувствовал необходимость сделать что-то для Марка.

– Было бы неплохо, – согласился Марк, которому идея Джимми пришлась по душе. – Правда, я еще не был на корте. До сих пор я ходил только в бассейн, он здесь совсем рядом. Когда я переехал сюда, решил, что каждый вечер после работы буду проплывать метров пятьсот – говорят, это полезно для сна, но все как-то не было времени.

– А ты встречал Купа? – с неожиданным для него самого интересом спросил Джимми, и Марк отметил про себя, что к его новому знакомому начинает возвращаться интерес к жизни. – Я имею в виду – лицом к лицу. Что он за человек? Он такой же, как на экране, или другой?

– Увы, я ни разу с ним не разговаривал, да и видел его только мельком, когда он въезжал или выезжал из поместья. И каждый раз с ним была какая-нибудь сногшибательная красотка, очевидно – из моделей или молодых актрис. Мистер

Уинслоу знает толк в удовольствиях.

Джимми ухмыльнулся:

– Он уже лет пятьдесят состоит в плейбоях. Я думаю, он всю жизнь и занимался тем, что поддерживал этот имидж. Насколько я знаю, Куп не снимался уже лет пятнадцать, возможно, даже больше.

– Мне кажется, в последнее время дела его не слишком хороши, именно поэтому он решил пустить жильцов, – заметил Марк. – Как бы там ни было, нам с тобой повезло.

– Я так и подумал, – кивнул Джимми. – Флигель – ладно, но зачем бы ему понадобилось сдавать часть дома, если бы он не нуждался в деньгах? А содержать такой особняк стоит, наверное, очень недешево.

– Его бухгалтер, мой знакомый, с которым я работаю, рассчитал недавно всю прислугу. Быть может, мы с тобой доживем до того дня, когда знаменитый мистер Уинслоу сам начнет пропалывать клумбы и подстригать живые изгороди, – сказал Марк, и они оба рассмеялись.

Минут через пятнадцать Марк попрощался с Джимми и вернулся к себе. Он был рад новому знакомству, а работа, которую Джимми вел в Уоттсе, произвела на него большое впечатление. И конечно, ему было жаль и его, и его жену. Постигшее Джимми несчастье было еще более страшным, чем его собственные неприятности – у него-то никто не умер, к тому же у них с Дженнет были дети, тогда как его новый друг остался совершенно один.

Через час Джимми зашел за Марком. Он выглядел свежим и бодрым. На нем были короткие шорты и майка, а под мышкой Джимми держал теннисную ракетку и банку с мячами. Комнаты, в которых жил Марк, поразили его своей роскошью. Квартира в гостевом крыле была совсем не похожа на флигель с его простой обстановкой, но Джимми тут же подумал, что жить здесь он бы, наверное, не захотел. Квартира в гостевом крыле была совсем не в его вкусе; впрочем, Марк, скорее всего, был прав, когда утверждал, что его детям здесь понравится. Много свободного места и бассейн под боком – это было именно то, что так нравится подросткам.

– А Куп не возражал против того, что с тобой будут жить дети? – спросил Джимми.

– Нет, а что? – удивился Марк. – Я сказал риелтору, что они сейчас в Нью-Йорке и что если они и приедут, то только на каникулы.

– Со слов риелтора я знаю, что Куп недолюбливает детей. Впрочем, я понимаю – он, наверное, боится за мебель, обои и посуду. – Джимми улыбнулся. – Но я, к примеру, только рад, что флигель сдавался вместе с обстановкой. Наша прежняя мебель вряд ли бы была здесь уместной, поэтому я и отправил ее на хранение. Если уж приходится начинать все сначала, то делать это лучше с чистого листа, чтобы ничто не напоминало о... о прошлом, не так ли?

– Я отдал Дженнет все, кроме своей одежды. Мне казалось, что детям будет легче освоиться в Нью-Йорке, если их будут окружать привычные вещи. Поэтому я рад, что гостевое крыло полностью обставлено – в противном случае мне пришлось бы покупать новую мебель. А это, сам понимаешь, дело долгое, да оно и не для... одинокого мужчины. Уж лучше жить в отеле, на всем готовом. Должно быть, отчасти поэтому я и ухватился за предложение Эйба. Я приехал сюда с двумя чемоданами, развесил костюмы на вешалки – и готово! Я – дома.

– Да, – согласился Джимми. – Ты прав. Я, наверное, тоже не стал бы снимать квартиру без мебели.

Они отправились на корт, но он их разочаровал. Покрытие оказалось слишком жестким и не очень ровным, поэтому они просто немного погоняли мяч и отправились в бассейн. Джимми загорал, Марк проплыл метров четыреста и присоединился к нему. Некоторое время они нежились на солнце, лениво переговариваясь, потом Джимми собрался возвращаться к себе во флигель. Но прежде чем уйти, он пригласил Марка на ужин. Среди кухонной утвари он обнаружил все необходимое для барбекю и решил справить новоселье, зажарив на углях несколько бифштексов, которые по привычке купил для двоих.

– Согласен, – кивнул Марк. – В таком случае за мной вино.

Через два часа он был уже у флигеля с бутылкой очень приличного каберне. Сидя на террасе, они разговаривали о жизни, спорте, работе, о детях Марка и о малыше, которого Джимми хотелось бы иметь. Только о женах не было сказано

ни слова – эта тема причиняла обоим слишком сильную боль. Марк признался, что не испытывает никакого желания снова встречаться с женщинами, а Джимми ответил, что и он, наверное, никогда не сможет смотреть на женщин и не вспоминать Маргарет. Во всяком случае, в данный момент он думал и чувствовал именно так, хотя ему и было ясно – для тридцатитрехлетнего мужчины это очень непростое решение. В конце концов оба решили, что самое разумное в их положении – плыть по течению, а там видно будет.

Потом они заговорили о Купе – о том, что он собой представляет как личность. Джимми предположил, что, если человек слишком долго придерживается принятого в Голливуде образа жизни, его восприятие действительности в конце концов серьезно искажается или, по крайней мере, претерпевает значительные изменения. Эта теория показалась обоим довольно правдоподобной, к тому же она подтверждалась фактами из биографии Купера, которые оба знали по сенсационным статьям в газетах.

Пока Джимми и Марк сидели на веранде, Куп лежал в постели с Шарлен. Она была весьма разносторонне одаренной в сексуальном плане, и с ней Куп проделывал такие штуки, о которых не помышлял уже многие годы. С Шарлен он чувствовал себя молодым и полным сил, и это ему очень нравилось. Она в свою очередь вела себя с ним то как ласковый котенок, то как тигрица, которую необходимо было укрощать и покорять, поэтому большую часть вечера и ночи Куп был весьма занят. Лишь утром он ненадолго задремал. Шарлен тем временем спустилась в кухню, чтобы приготовить ему завтрак. Она собиралась удивить Купа изысканным угощением, а потом снова заняться с ним любовью.

Шарлен стояла в кухне в одних трусиках и в сабо на высокой платформе, когда щелкнул замок на двери черного хода. Обернувшись через плечо, Шарлен увидела Марка. Он был в одном белье, его светлые волосы были всклокочены со сна, в глазах застыло недоумение.

– Привет. Меня зовут Шарлен, – сказала девушка без малейшего смущения. Она даже не сделала попытки прикрыться, просто стояла перед ним с таким видом, словно на ней было вечернее платье и туфли на шпильках. Ее лицо выражало лишь легкое недоумение (Куп сказал ей, что вся прислуга, кроме одной горничной, отправлена им в отпуск), но Марк ничего не заметил, так как смотрел главным образом на высокую пышную грудь, трусики и длинные-предлинные ноги. Ему потребовалась почти минута, чтобы прийти в себя и вспомнить о приличиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Faux pas – ложный шаг, промах (фр.). (Здесь и далее – прим. пер.)

2

Йельская школа права – одно из лучших высших учебных заведений в США.

3

Вассарский колледж и университет Брауна – престижные высшие учебные заведения в США.

4

Кантри-клуб – загородный клуб для избранных с теннисными кортами, плавательными бассейнами и т. п.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/daniela-stil/versal-skaya-istoriya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)